

Подписано электронной подписью:
Вержицкий Данил Григорьевич
Должность: Директор КГПИ КемГУ
Дата и время: 2025-04-23 00:00:00
471086fad29a3b30e244c728abc3661ab35c9d50210dcf0e75e03a5b6fdf6436
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Кемеровский государственный университет»
Новокузнецкий институт (филиал)

Факультет филологии
Кафедра русского языка и литературы

Косточаков Геннадий Васильевич

РОДНОЙ (ШОРСКИЙ) ЯЗЫК

Методические указания по изучению дисциплины

Направление подготовки
44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)
Код, название направления

Направленность (профиль) подготовки
Русский язык, Родной язык и литература

Новокузнецк – 2020

Рекомендовано на заседании кафедры русского языка и литературы 11.02.2020

Заведующий кафедрой: А.А. Балакай

Косточаков Г.В.

Родной (шорский) язык: курс лекций по дисциплине по направлению 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)» (уровень бакалавриата) / Г.В. Косточаков. - Новокузнецк ин-т (фил.) Кемеров. гос. ун-та. – Новокузнецк: НФИ КемГУ, 2020. – 99 с.
- Текст: непосредственный.

В настоящих методических указаниях для студентов представлены лекции по шорской ономастике. Охарактеризована специфика шорской антропонимии, этнонимии и топонимии. Антропонимия рассматривается как существеннейшая часть культуры этноса. Представлены экзоэтнонимы и автоэтнонимы (частные и общие) шорского народа. Система топонимов шорского языка анализируется как отражение истории и культуры народа.

Косточаков Г.В., 2020
Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Кемеровский государственный
университет», Новокузнецкий
институт (филиал), 2020

Текст представлен в авторской редакции

1.1. Шорская антропонимия

1.1.1. Шорские имена

1.1.1.1. О шорских традиционных (дохристианских) именах

Алтайские тюрки, в состав которых входят шорцы, исключительное значение (впрочем, как и все другие народы) придают человеческому имени. В шорском языке есть пословица: «Киик полза, тўктиҕ ползын, кижиги полза, аттыҕ ползын», которую можно перевести так: «Если это дикий зверь, то он должен иметь шерсть, *если это человек, то он должен иметь имя*».

А в героическом эпосе богатырь-алып вместе с именем от седовласого старца или старухи в открытой степи, где происходит их встреча, получает не только богатырское, но прежде всего человеческое достоинство, то есть, обретя имя, он становится полноправным человеком и богатырем. Без имени даже внешне человекоподобное существо вряд ли может быть отнесено к человеческому племени. Так повелось издревле.

Почему же имени придавалось столь громадное значение? На этот вопрос трудно ответить, потому что человеческое имя возникло, очевидно, вместе с языком, то есть очень и очень давно. Видимо, имя стало тем знаком, который подчеркнул выделение человека из мира природы.

В шорском языке есть признак, который запечатлел ту глубокую древность. Мы имеем в виду то, что в шорском языке символический мир, выражаемый словом (то есть вся лексика языка), условно делится на две части: на мир природы и его обозначения (*небе, небе ады*) и на мир человека и его обозначения (*кижи, кижиги ады*).

К первому миру относятся все неодушевлённые предметы, а также животные: домашние животные, дикие звери, птицы, рыбы, насекомые и т. п. Ко второму миру относится, конечно, сам человек, все обозначения человека, в том числе обозначения человека по родственным отношениям, по профессии, по внутренним и внешним качествам, и, разумеется, сюда же относится человеческое имя.

Между этими двумя символическими половинками – почти что пропасть, преодолеть которую в языке можно только двумя способами: 1) при помощи специальных аффиксов; 2) при помощи смысло-

го переноса (заимствования и освоения чужого смысла). Эти два способа взаимосвязаны и неразрывны. Иначе говоря, смысловой перенос должен быть обязательно оформлен и специальными аффиксами.

Шорский антропоним как слово языка

Традиционное шорское имя формировалось в основном только за счёт заимствования и освоения слов из мира природы (*небе*). Однако законы шорского языка не позволяют, скажем, наименование того или иного животного автоматически (только смысловым переносом) перенести в мир человека (*кижи*), сделать его именем человека. Так можно в русском языке (*заяц* и *Заяц*), но нельзя в шорском.

В шорском языке для переноса слова из мира природы в мир человека, как мы сказали выше, существуют специальные аффиксы. Они называются **антропонимическими аффиксами**. Ими могут быть любые аффиксы шорского языка, главное, чтобы они ассоциировались с человеком.

В качестве антропонимического аффикса может использоваться любой уменьшительно-ласкательный аффикс, потому что он – о человеке: (простые аффиксы): *чақ* || *чек* || *яқ*; *нақ* || *нек*; (*а*)*қ* || (*е*)*к*; (*а*)*ш* || (*е*)*ш*; (составные): *агаиш* (*ақ*+*аиш*) || *егеиш* (*ек*+*еиш*); *чагаиш* (*чақ*+*аиш*) || *чегеиш* (*чек*+*еиш*); (ласкательные): *қай* || *кей*; *май* || *мей*; (*а*)*й* || (*е*)*й*; *қа* || *ке*. В качестве антропонимического аффикса используются и другие аффиксы языка, семантика которых тоже связана с человеком, например: *тай* || *тей* || *дей* || *дай* (подобный чему-л.); *пан* || *пен*; *ан* || *ен*. Также в качестве антропонимического аффикса может использоваться знаменательное слово, чётко связанные с человеком (возвышающие его), например: *пай* || *бай* (*богатый*); *пек* || *пий* (*бек*, *князь*, *сановник*); *қан* (*хан*, *царь*), *жан*, *джан* (*душа*).

При помощи этих и подобных им аффиксов слово из мира природы благополучно «перекочёвывает» в мир человека и становится именем человека. Например: *қозан* – заяц; *Қозанақ* – имя человека; *пел* – таймень; *Пелчегеиш* – имя человека. Без «перекочёвки», т. е. без того или иного антропонимического аффикса, слово из мира природы не может стать именем человека.

Обобщённо говоря, антропонимическим аффиксом может стать любой существующий в языке аффикс, семантически связанный с человеком, символизирующий человека.

По существующей традиции именем могло стать любое слово родного языка, если в нём развивается символическое расширение

значения, то есть появляется переносное значение, куда в качестве означаемого обязательно входит человек.

Традиции имянаречения.

Шаманистская традиция имянаречения

А теперь поговорим не о собственно имени как слове языка, а о том, что оно обозначало в реальности.

Вопрос о семантике шорских антропонимов, по нашему мнению, является частью общего вопроса имянаречения у тюркских народов. В. А. Никонов об исторической роли антропонимов пишет: «Антропонимия может служить драгоценным историческим источником, помогая выявить былой этнический состав и миграции населения в прошлом, датировать, локализовать письменные памятники и т. д.» [Никонов 1974, с. 47]. К. М. Мусаев обращает внимание на большое значение антропонимов для понимания идеологии, мышления древнего человека [Мусаев 1984, с. 206]. Невозможно переоценить значение антропонимии для изучения прошлого, особенно тех народов, которые долгое время были бесписьменными.

Главным ключом в исследовании этого вопроса, безусловно, является проблема мотивировки имени или прозвища. Мотивировка приоткрывает завесу над мышлением наших предков, отображает связь имени с природой, культурой и бытом. Имя было не только неотъемлемой частью быта и бытия человека, но и его личным знаком-символом (мировоззренческого характера).

Существуют две традиции имянаречения: **языческая** (шаманистская – в нашем случае) и **теистическая** (традиция мировых религий: христианская, мусульманская и др.).

Языческая (шаманистская) традиция проявляет себя в следующих признаках:

1. Имя является словом своего родного языка, а следовательно, оно (имя) семантически прозрачно, понимаемо всеми носителями языка.

2. Имя в своей прозрачной семантике прямо (внешние данные, черты характера, этническая принадлежность и др.) или косвенно (предметы, топонимы и др.) связано с носителем имени.

3. Имя не только отображает человека – носителя имени, но и является знаком его связи с Богом, то есть семантика имени исходит не от людей, а от Бога-Кудая и только от Него.

Люди, дающие ребёнку имя, его (имя) не придумывают, а лишь истолковывают его (ребёнка-носителя имени) связь с Богом-Кудаем и фиксируют её (связь) в имени. Поэтому понятно, почему имя ребёнку дают не родители (молодые, неопытные), а только пожилые люди (дед, бабушка, посторонние старые люди), и они, опытные, мудрые люди, в качестве имени выбирают слова со сложным символическим смыслом, чтобы в уже имеющуюся смысловую структуру «включить» информацию о конкретном носителе имени и о его судьбе.

Первые два признака автоматически снимают лексико-семантические различия между именем и прозвищем. Прозвищем (по-шорски «шола») в языческой традиции принято называть имя, данное не ребёнку, но уже взрослому человеку, когда он звнмает то или иное общественное положение или, напротив, – низкое положение, не реализовал своё предназначение.

Третий признак говорит о том, что имя и в языческой традиции всегда есть знак связи с Богом, просто этот Бог у многих народов был свой. У тюрков Бог – *Теңри* \\\ *Кудай*. И еще говорит о том, что имя изначально связано с религиозно-нравственными воззрениями народа – носителя имени.

Теистическая традиция имяназачения проявляет себя в следующих признаках:

1. Имя является словом чужого языка, языка того народа (или народов), из культуры которого (которых) выросла та или иная мировая религия. Для христианских имён такими языками являются древнееврейский (арамейский), древнегреческий и латинский, для мусульманских имён – арабский и фарси (персидский). Для других народов, принявших ту или иную мировую религию (а значит, и именник), эти имена непонятны, семантически пусты и являются лишь неким святым комплексом звуков речи.

2. Имя прямо никак не связано с носителем имени. Косвенная связь, конечно, есть: она в том, что ребёнок родился в день того или иного святого (в христианстве) либо ребёнок имеет отношение к данной религии в целом и непременно должен получить красивое высокое имя (в мусульманстве).

3. Имя является лишь чистым знаком связи с Богом (которому поклоняется данная мировая религия), знаком самой принадлежности к той или иной мировой религии. По имени можно определить, к какой мировой религии человек относится, например, *Иван* \\\ *Ян* \\\ *Жан*

\\ Джон \\ Йоханн \\ Иоганн \\ Вано, Михаил \\ Майкл, – явно христианин (только разных этносов); Сулейман, Мустафа, Ибрагим – явно мусульманин; Иосиф, Исаак, Давид – явно иудей.

Таким образом, в языческой традиции актуализируется три аспекта имени:

1. Имя как знак реальности: имя в своей семантике фиксирует реальность в момент рождения носителя имени (его внешность, его поведение, события, связанные с его рождением), и этот смысл понятен каждому носителю данного языка.

2. Имя как знак Бога: посредством имени Бог влияет на судьбу носителя имени.

3. Имя как знак живого человека: знак его принадлежности к данному этносу-культуре-религии.

В теистической традиции актуализируются лишь два аспекта:

1. Имя как знак Бога: посредством имени Бог влияет на судьбу носителя имени.

2. Имя как знак живого человека: знак его принадлежности к данной религии.

Которая из традиций лучше – не нам судить. Мы лишь отметим здесь, что теистическая традиция выросла из традиции языческой (тех народов, которые на почве своих древнейших верований создали новую религию) и затем была распространена на многие народы вместе со своим языком отправления религиозных обрядов (в исламе до сих пор в религиозной сфере – арабский литературный, язык Корана) и со своей антропонимией (именником).

Шорский именник создан в русле своей языческой (шаманистской) традиции. Имя, согласно шорской традиции, – знак-символ человека и его судьбы. По-шорски судьба – *јлүш* = «доля, то, что тебе предназначено, предначертано Богом-Кудаем». Иначе говоря, по-шорски судьба – это предназначение человека в этой жизни. Бог-Кудай вместе с душой даёт ребёнку и его судьбу-предназначение.

Так вот, нужно эту будущую судьбу-предназначение увидеть, понять и зафиксировать в его имени. О судьбе-предназначении новорожденного Бог-Кудай говорит не прямо, а посредством особых знаков, которые появляются в момент его рождения или чуть позже, и их следует правильно прочесть.

В качестве таких знаков может быть что угодно: необычная внешность ребёнка, необычное его поведение в первые дни жизни,

необычный сон роженицы, неожиданные предметы, животные, растения, попавшие в поле зрения или привидевшиеся роженице, необычные гости (случайные прохожие) в день рождения ребёнка, необычные явления природы в это же время, особенные дни или что-то другое.

Всё это необычное – лишь знаки, их следует, как мы заметили выше, правильно прочесть. Ибо в них будущее ребёнка, его предназначение в этой жизни. А правильно прочесть знаки может только старый и мудрый человек. Вот такого человека искали, находили и просили дать ребёнку имя.

Может быть поэтому имя редко давалось сразу после рождения. Чаще по прошествии нескольких недель, месяцев и даже лет. Некоторые дети не имели имени где-то до пяти-семи лет от роду.

Но такие дети не оставались в буквальном смысле безымянными. Их звали словами, обозначающими соответствующие родственные отношения: *оолағаш* \ *уулағаш* (сынок); *қызымай* (моя дочурка); *отче оол*, *отче оолақ* (самый младший сын), *тунек* (первенец), *ачай* (самый старший сын); или простыми ласковыми словами: *кичигеш* (маленький, малец; самый младший), *эркемай* (милый мой, любимый).

Иногда данные слова постепенно становились полноправными именами (привыкли так называть ребёнка или так и не дождались человека, могущего дать имя, или был такой человек, но имени он так и не придумал), и большинство даже образовали шорские фамилии: *Уулағаш* (*Улагашев*), *Отчеоол* (*Ачёлов*), *Отчеоолақ* (*Ачулаков*), *Тунек* (*Тунеков*), *Кичигеш* (*Кичигешев*).

Почему были случаи, когда полноценное имя у ребёнка так и не появлялось и его вынуждены были называть разными словами-заменителями имени? Такое случалось тогда, когда не было ещё достаточного для имени знака от Бога-Қудая или когда так и не дождались того, кто мог бы дать ребёнку имя.

Ведь, тоже согласно древней шорской традиции, родители не могут дать имени своему ребёнку. В одном из произведений шорского героического эпоса мать героя-богатыря сокрушается: «Адыңны маға адарға чарабас!» – «Дать тебе имя мне нельзя!». В другом произведении отец одного из героев так мотивирует запрет родителю дать имя своему ребёнку: «Мен өрегі турған Қудай эбессим» – «Я – не вверху находящийся Бог» [Дыренкова 1940, с. 13, 25].

Имя ребёнку от семи лет и старше всегда даёт в эпосе некий старик (или иногда старуха), потому что «улуғ кижі адаған ат сийиктиғ теп укчаңым. Улуғ кижі көптү көрген, көптү укқан. Силер пилбес та небе чоқ» – «имя, данное старым человеком, нерушимо. Старый человек много слышал, много видел. Нет ничего, что бы ты не знал» [Дыренкова 1940, с. 145]. Старик даёт имя «керектеринге, чозағынға көре» – «по делам и характеру», ибо он про мальчика знает всё. Поэтому в эпосе все имена героев-алыпов говорящие (понятные для носителя языка) и отражают характер носителя имени, например, *Матыр Тас* (*Храбрый Плешивец*), *Қара Қылыш* (*Чёрная Сабля*), *Қартыға Перген* (*Ястреб Полководец*), *Ақ Қаан* (*Светлый Хан*), *Өлең Тайчы* (*Трава Царевич*), *Ай Эргек* (*Луна Мужчина*), *Қан Кес* (*Хан Режущий*), *Алтын Шаппа* (*Золотой Топор*) [Дыренкова 1940, с. 57–79] и т. п.

Чтобы дать ребёнку имя, нужно быть, согласно текстам шорского эпоса, много пожившим, много повидавшим, мудрым человеком. Так не только в эпосе, но и в реальной жизни шорцев, когда они твёрдо придерживались шаманизма. Поэтому имянаречение – прерогатива пожилых и даже старых людей. Только они могут увидеть в знаке от Бога-Кудая имеющееся там содержание, т. е. истолковать знак.

После рождения ребёнка (или в момент рождения) приглашали пожилых и мудрых людей (одного или несколько, чаще – людей посторонних, но известных) и рассказывали ему (им) всё, что сопровождало само рождение ребёнка (сон, предметы, происшествия и др.). Приглашённые истолковывали случившееся, и в результате могло появиться у новорожденного имя. Приглашённые много и упорно думали, ибо дать имя – ответственный шаг, от имени зависит будущее нового человека. Люди не просто верили в это, а просто иного мнения не было и не могло быть.

Имядатель (старик или старуха) при наречении ребёнка исходил из общего взгляда на имя в шорской культуре: имя должно обозначать особенный путь ребёнка по жизни, а этот путь предназначен ему Кудаем, по этому пути ребёнок может прийти к своему счастью (*ырыс, абыр, қут*).

Дело в том, что, согласно шорскому мировоззрению, судьба-үлүш-предназначение у всех людей изначально счастливая, т. е. нет понятия рока, изначально несчастливой судьбы. Бог-Кудай, наделяя только родившегося человека душой-кутом, одновременно даёт ему и

возможность счастья: слово «кут» переводится как «душа», «благополучие, счастье».

Но пути к этому счастью у всех свои. В имени и должен отражаться этот путь. Если человек сворачивает с предначертанного Кудаем пути, то впадает в несчастье и горе. Но путь – это такая штука, что заблудший человек всегда может вернуться на свой путь, а вернувшись, вновь обретёт счастье. Имя и есть символический вывод ребёнка на его исконный путь. Поэтому наречение – чрезвычайно ответственное действие: надо определить путь ребёнка и связать его с именем ребёнка.

Иначе говоря, счастье полностью зависит от человека, от его сознания, ума, разума (по-шорски сознание, ум, разум – «сагыш», но это слово кроме главных значений имеет свои смысловые оттенки: чуткость, внимание, даже бдительность к себе самому, к ближнему и ко всему в мире). Ибо сбиться с пути своего счастья легко, вернуться обратно на путь – трудно.

Таково отношение к своей судьбе у взрослого человека. А ребёнок ещё неразумен. Имядатель, наделив его именем, таким образом как бы выводит его на путь счастья. Потом, став взрослым, он сможет сам собой руководить, а пока ему нужен поводырь.

Как же в имени отражается судьба носителя? Имя должно зафиксировать его индивидуальность, его неповторимость и, если хотите, – единственность, уникальность. Это и есть его судьба-предназначение. Если носитель будет следовать своей индивидуальности, он может и должен обрести счастье.

1.1.1.2. Группы традиционных шорских имён

Традиционные шорские имена давались в промежутке от рождения до семи лет от роду. Все шорские традиционные имена разделяются на несколько групп-разрядов: 1) имена-благопожелания; 2) имена-характеристики; 3) имена-фиксации; 4) имена-описания; 5) защитительные имена.

1) Имена-благопожелания

Имена-благопожелания представляют самую многочисленную группу имён, прямо или (что много чаще) метафорически обозначают признаки, говорящие о явном благорасположении Бога-Кудая к носителю имени. Признаки могут проявиться во внешнем виде ребёнка, в его поведении, характере и т. п. метафорически – значит, посред-

ством предметов, растений, животных, явлений природы, через цвет, через всё, что в культуре уже приобрело символический цвет. Приведём несколько примеров традиционных имён данной группы:

а) *прямое благопожелание:*

Ырыспай, Урус, Рышқа, Рыспай (от «ырыс $\approx$ урус $\approx$ ырыш = счастье как удача; счастливый); Чиспияк (от «чыс \ чыш» = тайга, «пий» = князь, владыка); Тырған (от «тырыға» = прекрасный, совершенный); Ымайнақ, Майнақ, Ымайтақ, Майтақ (от «ымай» = богиня Ымай: посланный (бездетным родителям) богиней Ымай);

б) *метафорическое благопожелание:*

Шипей, Шүбечек (от «шипе $\approx$ шүбе» = пихта: стройный, красивый, мягкий); Чағачақ (от «чаға» – воротник: достойный, богатый); Ыртек, Ыртегеш (от «ыртек $\approx$ ортек» – утка: вездесущный, свободный); Торғунақ (от «торғу» = шёлк: богатый, красивый); Тоқмағаш, Тоқмааш (от «тоқум» = чепрак: красивый, богатый); Торумаш, Торумазақ, Тобок, Топок, Тобоқай (от «торум, топо $\approx$ тобо» – кедровая шишка: полезный, многодетный, гостеприимный, дружелюбный); Тепчегеш, Тептегеш (от «тепчек $\approx$ тептек = деревянная чаша, используемая при жертвоприношениях: связь с Қудаем); Табырға (от «табырға» = кабарга: красивый, полезный, богатый); Судақ (от «судай» = стекло: красивый, необычный, беззащитный); Сузычақ, Сузығаш (от «сус» = луч солнца: красивый, тёплый, сердечный); Шүлбай, Чүлжан, Чүлчек (от «чүл $\approx$ шүл» = дух человека, подобный перу птицы: прекрасный душой человек); Пыжлақ (от «пыжылақ» = сыр вареный: сытый, счастливый); Мустағаш, Пустағач (от «Мустағ $\approx$ Пустағ» = гора Мустағ: благословенный, имеющий покровительство священной горы); Акқушақ, Акқужақ (от «ак куш» = белый лебедь: красота, отмеченность Қудаем).

2) *Имена-характеристики*

Имена-характеристики прямо обозначают внутренние качества носителей имени, их характер, привычки, склонности, говорящие о сугубой индивидуальности людей. Имена-характеристики одновременно могут быть (но не все) и именами-благопожеланиями, но скрытыми, иначе выраженными, иными языковыми средствами. То есть по структуре они другие, а по смыслу почти те же. Приведём несколько примеров:

а) *имена – положительные характеристики:*

Шүренек (от «шүрен» = бойкий, подвижный, шустрый; Эптегеш, Эптееш, Иптегеш (от «эпте ≈ ипте» = быть умелым, аккуратным, уметь ужиться, приспособиться: умелый, уживчивый); Чынчыкай, Шынчыкай (от «чынчы ≈ шынчы» правдолюб, правдивый, честный); Патачак, Патанай (от «патта» = вязнуть, погружаться во что-л.: всем вокруг интересующийся, вселюбопытный); Ынақпай, Ынаққай, Ынақпан (от «ынағ» = дружественный, сочувствующий, сострадающий); Амзор, Амзарақ (от «амза» – пробовать пищу на вкус, определять качество пищи: имеющий тонкий вкус); Изығаш, Изигеш (от «изиг» – горячий, энергичный);

б) имена – отрицательные характеристики:

Салбақ (от «салба» = качаться, колебаться, болтаться: неуверенный в себе, колеблющийся); Ундутчак (от «ундут» – забывать: забывчивый).

3) Имена-фиксации

Имена-фиксации фиксируют родовую принадлежность носителя имени – среди других родов, место рождения носителя, его положение в семье (старший – младший). Но во всём этом также присутствует, но в скрытом виде, – благопожелательный смысл. Однако на передний план здесь выносятся иные, чем в именах-характеристиках, приметы сугубой индивидуальности: родовая принадлежность носителя имени, в то время как многие другие принадлежат к другому роду (священная память о своём роде-сеоке) – терминологически – *отэтнотонимный антропоним*; место рождения носителя имени, географическое название – топоним, который памятен, дорог сердцу – терминологически – *оттопонимный антропоним*; положение в семье носителя имени, это как раз тот случай, о котором мы говорили выше: когда ребёнку никак не могли подобрать полноценного имени, и поэтому именем становилось слово, обозначающее родственные отношения, но, заметим, слова «самый младший, первенец, маленький, малец» ассоциируются со словами «любимый, дорогой», т. е. тоже имеют благопожелательный смысл. Приведём несколько примеров:

а) отэтнотонимные антропонимы:

Тодыш, Тотыш, Тутуш (от «тодош» – этнонима сёёка); Байлағаш (от «пайлағас» – этнонима сёёка); Шорчак, Торчак (от «шор\чор\тор» – этнонима сёёка); Тодыяқ, Тотыяқ, Тодяқ, Тодығеш, Тудегеш (от «тот\тут» – корень этнонима «тодош»); Чудаяқ, Чудай, Чудек, Чу-

дағаш (от «чуда\чода\чудай» – этнонима сёока); Арияк (от «арий» – этнонима сёока); Суғаяк, Сағаяк (от «сағай\суғай» – этнонима сёока);

б) оттопонимные антропонимы:

Аккуляк (от «аққол\аколь» – топонима, ойконима); Напазак (от «напас» – топонима, гидронима); Күлбезек (от «күлбес\кульбес» – топонима, гидронима); Тайбачак, Тайбычак (от «тайба» – топонима, гидронима); Телбезек (от «телбес\тельбес» – топонима, гидронима); Мустағаш, Мустукқай\Мустаққай, Пустағач, Пустағаш (от «мустағ\пустағ» – топонима, оронима);

в) имена-фиксации родственных отношений носителей:

Тунек (от «тун (пала)») – первенец, старший сын); Отчы оол, Отчы оолак, Отчы қыс, Отчы қысчак, Отчыбай, Отчықай (от «отчы (оол=сын; қыс=дочь)») – самый младший (младшая); Кичигеш (от «кичиг» – маленький; младший); Ачай (от «ача» – старший брат).

4) Имена-описания

Имена-описания так или иначе описывают внешние признаки носителя имени и подчёркивают его индивидуальность, неповторимость, непохожесть на его ближних родственников. Эти имена могут иметь скрытый благопожелательный смысл (но не все). Вот несколько примеров:

а) имена-описания с положительным смысловым оттенком:

Абаққай, Абақ, Аппак, Аппағаш\Аппағас (от «абақ» – светловолосый, белолицый);

б) имена-описания с отрицательным смысловым оттенком:

Қарачак, Қарағаш (от «қара» – чёрный, смуглый, черноволосый).

5) Защитительные имена

Защитительные имена были именами нарочито плохими, неблагозвучными и временными, до совершеннолетия носителя имени, и давались для того, чтобы отогнать от ребёнка злого духа-айну. Айна не любит некрасивые имена, а значит, оставит ребёнка в живых. Ведь такие имена давались вынужденно, тогда, когда дети с настоящими (а не притворными, защитительными) именами умирали друг за другом. И в этих именах тоже таится скрытое благопожелание (желание сохранить жизнь ребёнку). Многие защитительные имена забылись, но некоторые сохранились до сих пор – в шорских фамилиях, образованных от них. Вот несколько примеров:

а) защитительные имена, сохранившиеся в шорских фамилиях:

Тенек (Тенеков), Тенеш (Тенешев) (от «тен» – блуждать без ума, не отдавать себе отчёта в своих действиях: глупый, неразумный); Чабалай (Чеболаев) (от «чабал» – плохой, злой);

б) защитительные имена, не создавшие шорские фамилии:

Иткөден (от ит көден» – собачья задница).

Таким образом, данные разряды-группы имён представляют собой разные структуры, но одного общего смысла (явного или скрытого): они все являются в сущности обозначениями благопожелания, но по-разному выраженного, а иногда и совсем незаметного. Благопожелания от Бога-Кудая к ребёнку. Оптимистичное миропонимание, выраженное в именах!

По времени получения имени все шорские традиционные имена подразделяются на *ат-имена*, которые даются после рождения и до семилетнего возраста, и *шола-прозвища*, которые даются взрослым.

В *ат-именах*, как мы выяснили выше (ведь большинство традиционных имён, приведенных нами выше относятся к *ат-именам*), явно или скрыто, незаметно, завуалированно выражается благопожелание от Бога-Кудая к ребёнку на его будущее.

В *шола-прозвищах* (а это чаще всего *имена-характеристики* и *имена-фиксации*) такой тенденции нет: здесь обозначается реальная индивидуальность без иллюзий и мечты, реальные признаки носителя *шола-прозвища*, черты его характера, склонности, привычки, родовая или иная принадлежность взрослых людей.

Лишь отсутствие тенденции к выражению явной или скрытой благопожелательности (взрослым она уже не очень нужна) отличает *шола-прозвища* от *ат-имён*.

Большинство *шорских традиционных имён*, известных нам, представляют собой *ат-имена* и многие из них мы показали выше, приведём примеры немногочисленных *шола-прозвищ* из списков, сделанных выше – чтобы лишний раз подчеркнуть, что это *не ат-имена*, а *шола-прозвища*:

1) шола-прозвища – имена-характеристики:

– положительные характеристики:

Шүренек (от «шүрен» = бойкий, подвижный, шустрый; Эптегеш, Эптееш, Иптегеш (от «эпте ≈ ипте» = быть умелым, аккуратным, уметь ужиться, приспособиться: умелый, уживчивый); Чынчыкай,

Шынчықай (от «чынчы ≈ шынчы» правдолюб, правдивый, честный); Патачак, Патанай (от «патта» = вязнуть, погружаться во что-л.: всем вокруг интересующийся, вселюбопытный); Ынақпай, Ынаққай, Ынақпан (от «ынағ» = дружественный, сочувствующий, сострадающий); Амзор, Амзарақ (от «амза» – пробовать пищу на вкус, определять качество пищи: имеющий тонкий вкус); Изығаш, Изигеш (от «изиг» – горячий, энергичный);

– отрицательные характеристики:

Салбақ (от «салба» = качаться, колебаться, болтаться: неуверенный в себе, колеблющийся); Ундутчак (от «ундут» - забывать: забывчивый); Қачыр (от «қач» – убегать, сбегать: трусливый);

– метафорические характеристики:

Қазанақ (от «қазан» – котел: гостеприимный).

2) шола-прозвища – имена-фиксации:

– родового происхождения:

Тодыш, Тотыш, Тутуш (от «тодош» – этнонима сёока); Байлағаш (от «пайлағас» - этнонима сёока); Шорчак, Торчак (от «шор\чор\тор» – этнонима сёока); Тодыяқ, Тотыяқ, Тодяқ, Тодыгеш, Тудегеш (от «тот\тут» – корень этнонима «тодош»); Чудаяқ, Чудай, Чудек, Чудағаш (от «чуда\чода\чудай» – этнонима сёока); Арияқ (от «арий» – этнонима сёока); Суғаяқ, Сағаяқ (от «сағай\суғай» – этнонима сёока);

– географического происхождения:

Аққуляқ (от «аққол\ақоль» – топонима, ойконима); Напазақ (от «напас» – топонима, гидронима); Күлбесек (от «күлбес\кульбес» – топонима, гидронима); Тайбачак, Тайбычак (от «тайба» – топонима, гидронима); Телбесек (от «телбес\тельбес» – топонима, гидронима); Чыштанақ (от «чыштаң» – из тайги родом: таежный житель).

Обобщая сказанное, следует заметить, что шорский традиционный именник отражает в себе жизнь и деятельность шорцев. Именами и прозвищами шорцев становились названия зверей, на которых они охотились и повадки которых прекрасно знали, названия рыб, которых ловили, растений, которые они использовали для собственных нужд, названия объектов природы и явлений природы, среди которых они проживали. Не остались в стороне и названия птиц, домашних животных, пресмыкающихся, насекомых, а также предметов быта, хозяйства. Опыт и наблюдения многих поколений шорцев наделяли тех или иных животных, рыб, растений и т. п. символическим смыслом, простирающимся до человека, когда словом из мира природы

можно было бы обозначать и человека, перенеся на него смысл природы. Наличие такого перенесённого смысла давало возможность использовать их (животных, рыб, насекомых и др.) названия в качестве человеческого имени.

Также тонко подмечались, оценивались и становились именем или (чаще) прозвищем особенности внешности носителя имени, строение его тела, телесный недостаток или ярко выраженная внешняя его особенность, черты его характера или темперамента, манера поведения и т. п. Иногда имена являлись пожеланием определённых, пока ещё не имеющих черт характера, поведения, цели и состояния. Названия некоторых профессий и рода занятий, склонности к чему-либо также становились именами или (чаще) прозвищами.

Природные, культурные и этнические апеллятивы, проникнув в шорский антропонимический ряд, сохранили для истории и потомства специфику имянаречения, материальную и духовную культуру одного из тюркских народов Северного Алтая и в целом Саяно-Алтая. Культуру определённой и, к сожалению, уходящей навсегда эпохи.

1.1.2. Шорские фамилии

1.1.2.1. Антропонимическая система шорцев

Современная шорская система личных имён (антропонимическая система) по своей структуре трёхчленна, состоит из собственно имени (индивидуального имени носителя), отчества (индивидуального имени отца) и фамилии (наследственного общего имени родственников по мужской линии), например, *Андрей Ильич Чудояков, Электрон Фёдорович Чистяков, Иван Матвеевич Штыгашев, Николай Егорович Бельчегешев*.

Наличие у шорцев такой антропонимической системы – результат принятия народом антропонимической системы русского языка и культуры. И структура – этнически русская и государственная, принятая в Российской империи, Советском Союзе и России. Иначе говоря, современные шорцы пользуются русской трёхчленной антропонимической моделью.

До середины XIX века эта трёхчленная модель, как сообщалось о шорцах в российских документах, воспроизводилась редко, фиксировались только, по тогдашней традиции отношения к представителям низших сословий и инородцам, индивидуальное имя и фамилия шор-

цев. Здесь термин «фамилия» не ошибочен, фамилии у шорцев уже существовали, о чём разговор пойдёт ниже.

При этом и индивидуальное имя, и фамилия у шорцев были традиционными, шаманистскими, то есть своими, созданными на базе своего шорского языка, лишь в фамилиях добавлялся русский суффикс принадлежности – *-ов-*, *-ев-* и *-ин-*. В исторических документах XVIII века, например, встречаются следующие шорские имена и фамилии: *Татыга Шибичеков, Комзычан Куздеев, Акбаши и Казмачак Шоурчины, Щеголка Адаяков* [Памятники сибирской истории, с. 3–10, 319].

Крещение шорцев во второй половине XIX века миссионерами Алтайской духовной миссии повлекло за собой постепенное исчезновение своего, веками существовавшего традиционного имени (частично шаманистский именник сохранился вплоть до 20–30-х гг. XX века). Крещение символизировало новое рождение человека, следовательно, полагалось новое – христианское (в русской православной огласовке) имя.

Вообще, как мы говорили раньше, всякий именник прямо связан с религией, является символическим знаком, прежде всего, принадлежности человека к той или иной религии (знак связи с Богом данной религии).

В результате этой конфессиональной экспансии современные шорцы стали носить только русско-христианские индивидуальные имена и отчества. В записках миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии отца В. И. Вербицкого отмечены некоторые подобного рода антропонимические преобразования: *Таяна* стала *Анисьей*, *Эрке* – *Еленой*, *Пашпарақ* – *Анастасией*, *Чельбечек* – *Дарьей*, *Юстоқа* – *Анной*, *Унақнай* – *Николаем*, *Қачор* – *Иоанном*, *Қапый* – *Николаем*, *Оққа* – *Михаилом* и т. п. [Вербицкий 1862, с. 400–418].

Современные шорские фамилии имеют те же самые, как было замечено выше, русские суффиксы *-ов-*, *-ев-* и *-ин-*, что и в современных русских фамилиях: *Курунаков, Каучаков, Арбачаков, Тудегешев, Кыдымаев, Терендин, Шуткарин* и т. п.

Суффиксы русские, но корни шорских фамилий совсем иные, не русские, а свои, шорские: они происходят от своих вековых традиционных имён, которые в наше время уже вышли из употребления, но когда-то они были не только в ходу, но частью даже функционировали в качестве имён шорских *тёлей-семей* (т. е. в качестве фамилий,

наследственных общих имён) и передавались в таком смысле детям по мужской линии родства.

Например, индивидуальное имя моего предка – *Қостачақ*, от которого произошла моя фамилия – *Косточаков*, ныне совсем не употребляется как индивидуальное имя. А в дохристианские времена оно было весьма распространено. Об этом говорит тот факт, что у шорцев и сагайцев (хакасов) выявлено несколько индивидуальных имён, имеющих тот же корень-основу «қоста», что и у имени *Қостачақ*, но с другими антропонимическими аффиксами: *Қостачақ* \\\ *Қостарақ* \\\ *Қостаяқ* \\\ *Қостақ* \\\ *Қостағаш* \\\ *Қостааш* \\\ *Қостай* \\\ *Қостам*.

Индивидуальных имён от корня-основы «қоста», как мы видим, много, но не все перечисленные имена образовали тёли-семьи, есть *Косточаковы* $\approx$ *Костычаковы*, *Костораковы*, *Костояковы* $\approx$ *Костяковы*, но нет *Костогашиевых*, *Костаевых*, *Костамовых*, *Костаковых*, *Косташевых*. Это говорит о том, что не все носители имён с корнем-основой «қоста» образовали свои тёли-семьи и, следовательно, не смогли передать своё имя по наследству своим детям и внукам, а затем и дальним потомкам по мужской линии или образовали свои тёли-семьи, но потом наследственное имя по мужской линии пресеклось.

Мой предок по имени *Қостачақ* передал мне своё имя потому, что он когда-то смог основать свой тель-семью, из которой впоследствии вышли мои пра-пра-пра- и т. д. деды и мой отец. Тель моего пращура был создан предположительно в XVI или XVII веках в районе реки База (*Пасуғ*, *Пасес* $\approx$ *Пазас*), что на территории нынешней Республики Хакасии, в Аскизском районе, на границе Абаканского хребта и Сагайской степи.

До сих пор в тех местах (селения Верхняя База и Нижняя База) живут многочисленные потомки нашего общего предка по мужской линии – *Қостачақа*, а ветвь (в виде одного мужчины), передавшая эту фамилию мне, согласно нашим семейным преданиям, переселилась где-то в конце XVIII – начале XIX веков оттуда в Горную Шорию (по древнейшему пути из Сагайской степи по Томи почти от ее истоков вниз, а далее в Алтайскую степь и Кузнецкую котловину) в улус Чульжан-Өрегаал (предместье нынешнего г. Междуреченска Кемеровской области).

Множество раз представители моей ветви фамилии в голодные годы (когда не было зверя в тайге) переселялись из Чульжана в под-

таёжные долины реки Таштып (может быть поначалу они переселялись и в Базу, но о переселении в Базу в семейных преданиях не говорится), а после ухода тяжёлого времени возвращались обратно. Так было несколько раз. Последний раз Косточаковы во главе с моим прадедом по имени (традиционное имя) *Қусқун (Ворон)* (а у него еще было христианское имя – *Фёдор \ Пöдүр*) поехали в долины реки Таштып в голодные 1914–1915 гг., а назад вернулись в 1928 году, и вернулись не все, а только один мой дед Николай Фёдорович с семьёй, остальные (два брата и сестра с семьями) остались там, в улусе Анжуль (дед Қусқун умер там). Так одна ветвь разделилась на несколько подветвей.

Почему же у шорцев имена их тёлей-семей смогли все-таки сохраниться в истории и стать современными фамилиями? И что представляли собой эти тёли-семьи, почему они имели свои общие имена, передаваемые детям по мужской линии?

Для уяснения этого и других сопутствующих вопросов нам следует мысленно погрузиться в антропонимическую ситуацию дорусской Шории.

Шорская традиционная антропонимическая система до XVII века

Архивные материалы свидетельствуют, что до присоединения шорских земель к Российской империи, т. е. до 1618 года, у шорского народа, видимо, существовала своя традиционная антропонимическая система, которая, как и нынешняя русская, тоже была трёхчленна, но входившие в эту систему элементы имели несколько иное содержание, чем в русской системе.

Традиционно каждый шорец в те времена носил в качестве личного сложного имени:

- 1) своё индивидуальное *ат-имя* и (не обязательно) *шола-прозвище*;
- 2) имя своего *тёля-семьи* (большой патриархальной семьи-фамилии, откуда происходил). Это называлось *төл ады* – имя теля;
- 3) имя своего *сеока-рода*, в состав которого входил его тель-семья. Это называлось *сөөк ады* – имя сеока-рода.

В полном составе такие сложные имена отдельных людей в русских архивных материалах не зафиксированы (речь идет о «ясашных списках» Сибирского приказа), но некоторые признаки говорят о том,

что такая, ныне утраченная традиционная система личных имён у дорусских шорцев все же существовала.

Скажем, в «ясашных списках» XVII – XVIII веков у ясачных людей должны были фиксироваться только их индивидуальные имена, отчества и дедичества, ведь фамилии в России того времени существовали, как известно, только у дворян, а у низших сословий, а тем более ясачных, должны были записываться только отчества и дедичества. По отношению ко многим ясачным так оно и было. Исключение составляли только те ясачные, которые жили оседло в горной тайге.

Как выяснилось, исключение составляли и государственные крестьяне Севера и Сибири, которые, в отличие от крепостных крестьян центральной России, фамилии заимели очень давно, ещё в XVIII веке, а отдельные – и в XVII в. [Никонов 1993, с. 209].

И шорское имя теля-семьи (реже – сеока-рода) сразу же обрело в русских документах ему надлежащее место, то есть стало функционировать именно в качестве наследственного имени большой семьи, устойчивого не менее как в трёх поколениях, то есть в качестве фамилии.

Иначе говоря, как и у государственных крестьян Сибири и Севера, фамилии у государственных шорцев стали известны с XVII – XVIII веков.

Тем более, что у государственных крестьян и шорцев того времени было нечто общее: и те, и другие жили большими патриархальными семьями, которые селились отдельно, вели одно общее хозяйство и управлялись одним старшим близким родственником. И происходили от одного предка по мужской линии, чьё имя и стало основой фамилии. Целые селения и русских государственных крестьян в Сибири, и шорцев порой носили одну фамилию, то есть относились к одной большой семье.

Поэтому нельзя назвать случайностью то, что 350 – 200 лет назад зафиксированные в «ясашных списках» и других документах в качестве фамилий имена телей-семей у шорцев продолжают существовать и донныне как современные шорские фамилии. Ведь шорский тель-семья и был в истинном смысле фамилией (лат. *familia* – семья; англ. *family* – семья; род, клан), т. е. большой патриархальной семьей, состоящей из близких родственников по мужской линии нескольких поколений и происходящей от одного предка (основателя теля).

В качестве имени тѣля-семьи и выступало индивидуальное имя этого предка. И каждый представитель этого тѣля-семьи носил имя того своего предка в качестве дополнительного наследственного своего имени, т. е. в качестве фамилии. При этом в имени тѣля-семьи фиксировалось реальное имя (а не легендарное, мифическое) реального (а не тотемного, как в имени сеока-рода) своего предка. Шорское слово «тѳл $\approx$ тѣль» переводится как «фамилия, фамильное имя, имя большой семьи; большая патриархальная семья, живущая обособленно, и ведущая общее хозяйство, часть рода-сеока» [Чульжанов, Судочаков, Косточаков 1992, с. 25].

Тѣль-семья. Первичные и поздние тѣли-семьи

Тѣль-семья была неотъемлемой, но достаточно автономной частью более крупного объединения под названием сеок-род. Сеок-род никогда не жил единым или сосредоточенным в одном месте поселением. Такое просто невозможно в условиях горной тайги, которая в силах прокормить (охотой, собирательством, очень ограниченным земледелием и скотоводством) только малое количество людей.

Сеок-род складывался из рассредоточенных на довольно больших пространствах маленьких поселений – аалов. Расстояние от аала до аала было многие и многие метры и даже километры. Каждый аал, как правило, населяли представители только одного тѣля-семьи. Следовательно, каждый аал – это отдельный тѣль-семья.

Большие расстояния от одного тѣля-семьи до другого, затруднённая доступа туда и обеспечивали ту самую относительную автономию тѣля-семьи от сеока-рода. А сам сеок-род часто отождествлялся с тѣлем-семьёй паштыка-вождя рода, ведь и паштык-вождь тоже жил внутри своего тѣля-семьи. Были, следовательно, паштыкские тѣли-семьи и другие тѣли-семьи. Правда, были и сѣла-улусы, и группы селений-аймаки, где проживало несколько тѣлей-семей, но это были тѣли-семьи, которые входили в составы разных сеоков-родов и жили относительно обособленно.

Поскольку тѣль-семья вела отдельное хозяйствование (держали скот, обрабатывали пашни, ходили на охоту вместе, вместе занимались собирательством кедрового ореха, трав, корней, ягоды, грибов, калбы), то назначался главный по тѣлю-семье, его называли *тѣльчи*, глава тѣля-семьи. Это был старший родственник, не обязательно мужчина, часто главными были женщины. Через тѣльчи все люди тѣля-семьи связывались с сеоком-родом и паштыком-вождем.

Тёльчи на общих собраниях сеока-рода были старейшиной – *улуз кижжи* – и в таком качестве участвовали во процессах суда-чаргы, обсуждении вопроса об ясаке-налоге (*албан*), в выборах паштыка (*паштыққа тутқаны*) и других мероприятиях общего собрания. Тёль-семья являлась основным плательщиком ясака-налога (по-шорски «албан»), видимо, не случайно слово «тёл» связано с глаголом «тёл (ерге)» – платить. Значение и роль тёля-семьи непосредственно вытекали из значения и роли сеока-рода в жизни родовичей.

Различаются шорские тёли-семьи первичные и поздние (образовавшиеся в XVIII – XIX вв.), а следовательно, и фамилии у шорцев можно разделить на два типа: фамилии древние и фамилии поздние.

Первичных тёлей в каждом сеоке-роде было мало, два или три. Они возникли в глубокой древности. Со временем от первичных тёлей-семей (если благоприятствовали обстоятельства) «отпочковывались» ветви, которые в большинстве случаев продолжали сохранять имена своих первичных тёлей-семей. Так появились и продолжали жизнь древние шорские фамилии, и они дошли до наших дней.

Первичные тёли-семьи – это, как правило, тёли-семьи паштыков, то есть это семьи, откуда выбирали паштыков. Должность шорского паштыка была наследственной. Новым паштыком выбирался не обязательно сын бывшего паштыка, но достойный человек из тёля-семьи паштыка, то есть его племянник, брат, внук, внучатый племянник и т. п. Или человека из другого паштыкского тёля-семьи. Первичных тёлей-семей было не меньше двух в каждом сеоке-роде, поэтому была конкуренция.

Необходимо сказать несколько слов о шорской системе родства. По мужской линии близкими (*чагын қарындаш кижжи*) считались все родственники до седьмого колена. В шорском языке одним словом «ача» обозначались и «старший родной брат», и «каждый родной старший брат», и «каждый родной дядя со стороны отца», а также «его каждый сын, если он старше по возрасту» (если он младше по возрасту, то он звался «туңма»), и «двоюродный дядя с той же стороны», а также «его каждый сын, если он старше по возрасту» (если он младше по возрасту, то он звался «туңма»), и так до седьмой степени родства со стороны отца.

Словом «туңма» обозначались «каждый родной младший брат», и «каждый двоюродный брат возрастом младше (со стороны отца)»,

«каждый троюродный брат возрастом младше (со стороны отца)», и так до седьмой степени родства со стороны отца.

По материнской стороне близкими родственниками (*чагын туған кижі*) считались родственники только до третьего колена.

Известны первичные-паштыкские тѣли-семьи некоторых шорских родов, вот их список:

– Сеок-род *Қобый*: первичные-паштыкские тѣли-семьи-фамилии: *Шулбаевы (Шұлбайлар)* и *Сысканакоты (Саасқанақтар)*, *Шишканакоты (Шышқанақтар)*;

– Сеок-род *Қый*: первичные-паштыкские тѣли-семьи-фамилии: *Кусургаиеты (Қусуруғаиштар)* и *Шелтрекоты (Шелтиректер)*;

– Сеок-род *Қалар*: первичные-паштыкские тѣли-семьи-фамилии: *Ошкачакоты (Ӗшкӓчӓктӓр)* и *Топакоты (Топақтар)*;

– Сеок-род *Кечин*: первичные-паштыкские тѣли-семьи-фамилии: *Ептигешеты (Эптегештер)*, *Шипеевы (Шипейлер)* и *Тингешеты (Тиңгештер)* (данные по первичным тѣлям-семьям-фамилиям взяты: [Потапов 1936, с. 177–178]).

Имена первичных тѣлей-семеи-фамилий были не менее устойчивы, чем этнонимы. Точнее, по устойчивости их можно сравнить разве что только с этнонимами, особенно в Южной Шории (ныне это прежде всего Таштагольский район), где имена первичных тѣлей-семеи-фамилий дошли до нас почти в том же составе, что и были в XVII – XVIII веках. Это произошло потому, что родовые отношения в Южной Шории просуществовали дольше, чем в Северной Шории (ныне часть Новокузнецкого и Междуреченский районы). Ведь крепость имени первичного тѣля-семеи-фамилии прямо зависела от крепости родовых отношений: в составе устойчивого рода выгодно было сохранять и сохранять имя паштыкского тѣля-семеи-фамилии, откуда выбирались паштыки, – как символ паштыкского, княжеского достоинства, как знак неременной возможности быть избранным в паштыки. Поэтому состав фамилий в Южной Шории был неизменным до конца XIX века и позже не очень изменился (полный список соответствий между сеоком-родом и тѣлем-семеи-фамилией см.: [Кимеев 1989, с. 161–175]). Из четырех сеоков-родов, нами выше приведенных, состав фамилий не изменился, за исключением того, что к сеоку-роду *Кечин* добавились *Башеты (Паиштар)* и исчезли *Тингешеты (Тиңгештер)*.

Появление поздних телей-фамилий связано с процессом разложения сеока-рода на отдельные тели-сеоки, которые в этом случае получают не относительную, всегда в составе сеока-рода существовавшую, а абсолютную автономию, самостоятельность, как бы независимость от сеока-рода. Тель-семья теперь мог сам, минуя сеок-род, выплачивать ясак-налог и самостоятельно владел ближайшей к нему частью земель сеока-рода как собственник. Появление поздних телей-семей (сначала – не паштыкских, а потом – просто отдельных, самостоятельных) и образование новых шорских фамилий началось в XIX веке (местами – в конце XVIII) и в основном протекало в Северной Шории, но об этом разговор ниже.

Сеок-род

До конца XVIII – XIX века шорцы жили крепким родовым строем. Основу шорского общества составлял сеок-род. Сеок-род был особой формой общественной организации жизни: каждый человек принадлежал тому или иному сеоку-роду, через него как через особый институт осуществлял свои права и обязанности, через него связывался с государственными органами (в г. Кузнецке, ныне г. Новокузнецк).

Каждому сеоку-роду надлежало раз в год выплачивать налог-ясак государству, к которому он относился. С начала XVII века таким государством стала Российская империя.

Сеоков-родов у шорцев было около двадцати (в разное время их было разное количество, некоторые иногда присоединялись к другому или объединялись: *Қара-Шор*, *Сары-Шор*, *Узют-Шор*, *Челей*, *Қый*, *Қобый*, *Қарға*, *Чедибер*, *Аба*, *Тартқын*, *Қалар*, *Қаран*, *Кереш*, *Кечин*, *Себи*, *Таяш*, *Чорал*, *Қызыл-гая\Қызай*).

Они все были абсолютно самостоятельны по отношению друг к другу, но иногда объединялись и создавали что-то наподобие фратрий, например, фратрия *Шор*, объединяющая рода: *Қара-Шор*, *Сары-Шор* и *Узют-Шор*.

Конечно, могли бы объединиться не только рода фратрии Шор (у них общий предок – угры народа Тора, память о которых сохранилась в части этнониме, в компоненте Шор), но и мрасские рода: *Қый*, *Қобый*, *Қызай*, *Кечин*, *Таяш*, потому что у них тоже один общий предок – кеты народа *Қыйо\Қыб*, и другие шорские рода.

Но дело в другом, в том, что все перечисленные рода проживали в одном замкнутом природном анклавном и давно уже сложились в один

этнос. В частности, шорцы согласно обычному праву не вступали в брак со своими родственниками – представителями одного сеока-рода (т. е. внутри рода), чтобы предотвратить кровосмешение, инцест, а значит, многие сеоки-рода между собой уже давно породнились. Точнее, роднились между собой отдельные тэли-семьи разных сеоков-родов, если они жили по соседству друг с другом (в тайге соседство – многие километры). Следовательно, всех вместе удерживало и вековое родство.

Каждый сеок-род на основе обычного права владел собственностью на определённые охотничьи угодья (по-шорски «тайга»), на земли, используемые как пашни (по-шорски «қыра»), на кедровники (по-шорски «пакла») и территорию, занятую под селения сеока-рода (по-шорски «эл-аал»), а также на реки и ручьи для рыболовного промысла, места выкапывания корней, сбора трав, ягоды и грибов. Собственниками были все члены сеока-рода без исключения, достаточно было просто принадлежать к данному сеоку-роду и носить его название [Адрианов 1888, с. 316; Миротворцев 1911, с. 14; Потапов 1936, с. 166–167].

Во главе каждого сеока-рода стоял паштык – родовой вождь, «князец» русских документов. Каждый род управлялся независимо от других и независимо от власти в г. Кузнецке, на демократических началах. Паштык считался главным среди равных.

Члены одного сеока-рода были связаны между собой не только социальной жизнью, но и общностью культа, носившего ярко выраженный родовой характер. Формальное принятие христианства во второй половине XIX века не отменило родовой культ и даже не изменило его существенных черт, так как в сознании шорца христианство и шаманизм могли сосуществовать: христианское таинство было «привязано» к церкви-зданию, а шаманистский культ был «привязан» к природе и хорошо сочетался с укладом жизни охотника и вообще лесного жителя: для отправления шаманистского обряда храмом было не какое-то отдельное здание, как в христианстве, а вся природа, весь мир. Уходя на охоту, занимаясь собирательством, покосом, работая на пашне, глядя за скотом, отмечая праздники-пайрамы, люди входили в этот всемирный храм-природу и там поэтапно могли отправлять свой культ.

Сеок-род объединял людей и по признаку родства. Все члены одного рода называли друг друга – «карындаш» – это значит «едино-

утробный брат или сестра», и браки внутри сеока-рода были запрещены. Можно с большой долей вероятности предположить преимущественное единство происхождения всех членов одного сеока-рода. Однако родство в тэле-семье было, несомненно, более близкое, чем в сеоке-роде. Особенно это касалось шорских сеоков-родов XVIII века, когда в их состав на правах отдельных телей-семей вошло некоторое количество переселившихся в Шорию телеутов и качинцев.

Собрание сеока-рода «чыылыг»

Высшим органом сеока-рода было родовое собрание «чыылыг», которое собиралось раз в два-три года на родовой территории (особая поляна среди тайги со священной берёзой – «пай қазың» в центре) в дни летнего солнцестояния и где могли присутствовать и принимать участие все члены рода. Ограничение касалось только жён и детей: первых потому, что они брались обычно из другого сеока-рода, следовательно, в мужнем сеоке-роде они были чужими; вторых потому, что до совершеннолетия детям не полагалось принимать участие во взрослых делах, в том числе сидеть со взрослыми за одним столом. Совершеннолетним считался парень, когда он проходил инициацию и мог самостоятельно ходить на зверя, имел семью и детей (одного – обязательно).

Чыылыг-собрание решал все важные общие дела: выборы нового паштыка, раскладка налога-ясака по телям-семьям, из которых, собственно, как мы уже отметили, состоял сеок-род (раскладка налога железными изделиями и пушниной ежегодно выплачивалось государству через город Кузнецк), включались новые плательщики (совершеннолетние парни), исключались состарившиеся, освобождались от уплаты определенные люди в силу каких-то причин (покалечен медведем, серьезно заболел), разбирались спорные дела, происходили судебные разбирательства.

При каждом судебном разбирательстве сеок-род выдвигал из своих рядов в качестве судей-чаргычы шесть человек, большей частью умных, мудрых стариков, которые принародно совершали суд, а народ открыто оценивал работу чаргы-суда. Если большинство народа не соглашалось с решением суда, то дело разбиралось снова, пока решение не удовлетворяло большинство сеока-рода [Потапов 1936, с. 168–170].

Каждый член сеока-рода, независимо от того, где он проживал (иногда проживали далеко от родовой территории), был не только

подчинён своему паштыку, но и мог в любое время и по любому поводу обратиться к нему и искать его защиты. Паштык обязан ему помочь.

Имя сеока-рода в фамилиях. Имя тёля-семьи

Каждый сеок-род имел своё имя, возраст которого исчислялся сотнями, а изредка и тысячами лет. Н. А. Аристов, говоря о степном сеоке-роде, признавая «всеобъемлющее значение» рода у тюрков, пишет: «Естественно, что при таком значении родов, когда вся жизнь и судьба определялись принадлежностью к роду, родовые имена должны были пользоваться необыкновенной прочностью. Роды могли входить в различные союзы, целиком или частями, но должны были твёрдо сохранять свои исконные имена» [Аристов 1897, с. 85].

Крепкая память на родовые имена характерна была и для жителей горной тайги, для шорцев. Более того, каждый человек, как сказано выше, носил родовое имя в качестве своего дополнительного имени.

Этнонимы (родовые имена) могут многое сказать о происхождении того или иного сеока-рода. Роды, меняя на протяжении веков свою этническую, языковую, политическую и иногда хозяйственную сущность, старались тем не менее сохранить своё исконное имя, пусть даже искаженное новой этноязыковой реальностью, но исконное.

Так было со многими шорскими этнонимами (родовыми именами). Они возникли в глубокой древности и идя к нам, в наше время, потеряли своё первоначальное звучание и потеряли свой смысл (своё лексическое значение), так как сеоки-роды изменили свою этническую принадлежность, стали входить в состав другого этноса (были кетским родом – стали тюркским родом), стали более мелкими единицами (были племенным образованием, стали мелким сеоком-родом) и т. п. Но тем не менее этнонимы выжили и дошли до конца XIX века. Потом исчезли все-таки, потому что исчез сам сеок-род как форма общественного бытия, уступив место тёлю-семье.

Шорские этнонимы частично сохранились в шорских фамилиях, например, *Челеев* (от этнонима *Челей*), *Кичеев* (от *Кичей* ≈ *Кечин*), но чаще всего в шорских фамилиях сохранились не исконные шорские, а этнонимы иных этносов и этнических групп, участвовавших в тюркском этногенезе на Саяно-Алтае. И при этом фамильные этнонимы на проверку оказываются не собственно этнонимами, а индивидуальными

именами, образованными от этнонимов. Это были, как правило, индивидуальные имена основателей тёлей-семей, переселившихся со стороны в Шорию и очень давно. Вот несколько примеров: *Чудояков*, *Чудаев* и *Чудеков* (от нешорского этнонима *Чудай*), *Сухаяков* (от нешорского этнонима *Сугай* $\approx$ *Сагай*).

Иногда, правда, в шорских фамилиях фиксировались чистые этнонимы (а не имена от этнонимов), например, *Тодышев*, *Тотышев* (от нешорского этнонима *Тодош*, переогласованного в *Тодыш* и *Тотыш*); *Байлагашев* (от нешорского этнонима *Пайлагас*, переогласованного в *Пайлагаш*, а в русском звучании – *Байлагаш*). Но это те случаи, когда имя теля-семьи совпадало с именем сеока-рода. Речь идёт о массовом переселении в Шорию телеутского сеока-рода *Тодош* и частично *Пайлагас*, которые расселились по тайге в виде нескольких отдельных тёлей-семей, принявших себе в качестве имени нового теля-семьи привычное имя сеока-рода.

Сеок-род, как было сказано выше, состоял из нескольких относительно самостоятельных тёлей-семей. Каждый тель-семья проживал в отдельном поселении, состоящем из нескольких домов (*үҗе* $\approx$ *үй* $\approx$ *эм*), это были юртообразные бревенчатые полуземлянки, в которых жили отдельные маленькие семьи.

Один из домов принадлежал старейшине теля-семьи (*улуйы* – старейшина; *тёльчи*/*төлчи*). Им мог быть дед, бабушка, старший дядя по отцу, в общем, самый старший и умеющий реководить авторитетный человек. Все остальные члены теля-семьи были его внуками, племянниками, сыновьями, невестками. Тель-семья вёл общее хозяйство и во многом подчинялся старейшине. Он обладал, конечно, большими, чем рядовой член теля-семьи правами и на периодических чыылыҕах-собраниях рода. Он имел право решающего голоса в вопросе раскладки ясака-налога, его могли выбрать вести суд-чарҕы.

Каждый тель-семья, как было сказано выше, имел своё имя. Оно совпадало с индивидуальным именем или прозвищем либо основателя теля-семьи (общего предка, это было довольно часто), либо ныне здравствующего старейшины-тёльчи (случалось весьма редко). Каждый член теля-семьи носил это имя в качестве дополнительного имени, добавляя к нему аффикс притяжательно-родительного падежа (в шорском языке). На русский язык переводился с суффиксом притяжения «ов», «ев» или «ин». Например, шорца звали (как моего предка) *Кусқун*, имя его теля было *Қостачақ*, вместе получалось *Қо-*

сточақтың Қусқуны, а по-русски: *Косточаков Кускун*.

Когда речь шла о нескольких или всех членах данного теля-семьи, то к имени теля-семьи просто добавлялся аффикс множественного числа (в шорском языке). По-русски суффикс притяжения остаётся, и к нему добавляется множественное число. Например, *Косточаковы* по-русски, а по-шорски будет *Қосточақтар*.

В хорошие времена, когда тель-семья разрастался и уже не мог на данных землях себя прокормить, то какая-то отдельная семья сына или внука отселялась в другое место в пределах родовой территории.

На новом месте вновь образованный тель-семья продолжал носить имя прежнего теля-семьи и поддерживал с ним отношения, являясь его составной частью и в ясаке-налоге, и в родовых собраниях-чыылыҕе. То же самое делали отселившиеся (переселившиеся на другие земли, но в пределах родовой территории) части основного теля-семьи. Так продолжалось, можно сказать, всегда в Южной Шории, даже отселившиеся за Абаканский хребет (ныне это территория Республики Хакасия) в XVIII и XIX веках представители сеоков-родов *Қобый*, *Қый*, *Қызай* и др. сохраняли и сохранили до сих пор свои фамилии. Речь идёт о фамилиях: *Шулбаевы* (некоторые адаптировали их по-хакасски: *Сулбаевы*), *Сысканаковы*, *Шишканаковы* (адаптировавшись, фамилия стала *Сысканаковы*, совпала с предшествующей), *Шелтрековы* (некоторые адаптировались в *Султрековых*), *Кусургашевы*, из сеока-рода *Қызай*: *Адыяковы*, *Арбачаковы*, *Кушаковы* (некоторые адаптировались в *Кусаковых*) и *Судочаковы*.

Разложение сеока-рода и активное образование новых тёлей-семей-фамилий

В XIX веке (а местами ещё в XVIII) сеок-род стал разлагаться. Процесс его разложения связан с факторами, способствующими ослаблению, а позже вообще прекращению прежде всего общественных и хозяйственных связей между отдельными телями-семьями внутри рода. Назовём факторы, способствовавшие разложению сеока-рода.

1. Переориентация ясака-налога с железа и железных изделий на одну только пушнину (сбор железной руды, выплавка железа и изготовление железных изделий способствовали – через разделение труда – связи не только между телями-семьями, но между сеоками-родами).

2. Появление и распространение ружья вместо традиционных лука и стрел (ружьё было дорого и эффективно, но на него ещё нужно

было заработать, добыв пушнины сверх ясака-налога, а значит, и артели охотников стали маленькими и только из одного тѣля-семьи).

3. Переселение в XVII – XVIII веках в Шорию значительного (для малочисленных аборигенов) множества русских и других народов (они селились в пределах лесостепного ландшафта, т. е. в низовьях Кондомы и по Томи ниже современных Мысков) (постепенное вытеснение сеоков-родов из лесостепного ландшафта, укрупнение и уплотнение в горной тайге с другими сеоками-родами).

4. Переселение в XVIII веке в Шорию телеутов с Центрального Алтая и качинцев с долин Среднего Енисея (они переселялись не в одиночку, а целыми тѣлями-семьями, группами тѣлей-семей, и, расселѣнные, включались в составы уже имеющихся сеоков-родов; они селились в пределах горно-таѣжного ландшафта на землях кедровников и на окраинах охотничьих угодий (тоже укрупнение и уплотнение шорских сеоков-родов в горной тайге).

5. Перевод ясака-налога на деньги в XIX веке (теперь пушнину продавали купцам из своих и русских).

Уже в XVIII веке северошорский сеок-род *Аба* в сущности разбился на несколько тѣлей-семей (расселенных далеко друг от друга, это были крупные селения близких родственников, их называли улусы): *Бокчетаев (Пақчытайлар)* – устье Кондомы; *Бежбояков (Пешпаяқтар)* – у горы Катунь, рядом с устьем р. Мундыбаш; второй *Бежбояков (Пешпаяқтар)* – в 10 верстах от устья Мрассу; *Едеев (Ээдейлер)* – на реке Ташелга, Мрассу; *Тогояков (Таққаяқтар)* – на реке Умзас, Мрассу; *Барсояков (Парсаяқтар)* – на реке Кузедеево, Кондома; *Богораков (Пағарақтар)* – устье Мрассу; *Козанов (Қозаннар)* – на Томи выше современных Мысков; *Мойнаков (Ымайнақтар)* – тоже на Томи около устья Усы; *Тарткын (Тартқыннар)* – по Томи ниже устья Мрассу и около; *Тос (Тостар)* – выше устья Мрассу; *Конгы (Қонғылар)* – на Томи возле устья Кондомы; *Кыйбык (Қыйбықтар)* – на реке Кинерки, Кондома; *Тонгаспак (Тоңаспақтар)* – Кондома, район нынешних Осинников. Б. О. Долгих называл их «несложившимися родами» [Долгих 1960, с. 109], Л. П. Потапов – «большими семьями-тѣлями, отколовшимися еще до прихода казаков от каких-то сеоков абинцев» [Потапов 1969, с. 108], а В. М. Кимеев назвал «территориальными самоназваниями абинцев» [Кимеев 1989, с. 66]. Видимо не сеоков-родов, а некогда одного сеока-рода *Аба*, ко-

торый был в XVIII в. расколот появившимися и вклинившимися русскими поселениями и собственными причинами.

Некогда большой сеок-род *Аба* раскололся на несколько улусов=тёлей-семей: по Кондоме: *Бокчетаев, Бежбояков, Барсаяков, Тонгаспак* (позже Осиновка), *Кыйбык, Конгы*; по Мрассу: *Бежбояков, Едеев, Тогояков, Богораков, Козанов, Мойнаков, Тарткын, Тос*. Крупный, но разбросанный, рассредоточенный, располагающийся в лесостепи сеок-род распался на 14 частей.

Разложение сеоков-родов на тёли-семьи было временем активного образования новых (поздних) шорских тёлей-семей-фамилий внутри одного крупного тёля-семьи. Вышеприведенные тёли-семьи постепенно становились сеоками-родами и выполняли их функцию. Тёль-семья становилась новой самостоятельной единицей общественных отношений. Фамилия как слово – показатель этого общественно-го процесса.

Новым (первичным и поздним особенно) шорским тёлям-семьям и тёлю-семье в целом как общественной организации, к сожалению, не суждено было окрепнуть и развиваться. Этому помешал XX век: сначала – столыпинские территориальные и людские преобразования (переселение столыпинских крестьян, вытеснение шорцев из лесостепи низовья Кондомы и Томи между Кузнецком и Мысками в горную тайгу, где еще крепки были родовые отношения), затем – полное лишение людей права собственности на землю и др. после 1917 г.

Процесс разложения сеока-рода и выдвижение на передний план тёля-семьи, когда стало образовываться много тёлей-семей, дал следующие результаты:

1. Появилось много фамилий (которых мы называем «поздними»), много в Северной Шории и мало в Южной Шории.

2. Тёль-семья почему-то сразу стал разлагаться на отдельные семьи, причём так быстро разложился на отдельные малые семьи (в два поколения: родители и дети), что в шорском языке не нашлось слова, которое обозначило бы результат этого разложения (используется русское слово «семья»).

Алтайская духовная миссия, образовавшаяся на Южном Алтае в 40-ые гг. XIX века, а в 1860 г. открывшая в улусе Кузедеево Кузнецкое отделение миссии, во главе которого стоял священник-миссионер В. И. Вербицкий, не осталась в стороне от активно проходившего процесса образования новых и новых (т. е. поздних) шорских тёлей-

семей-фамилий. В результате ее работы по охристианиванию шорского народа вскоре стали появляться у шорцев фамилии, образованные от христианских имён, освоенных шорским языком: *Апанаев, Апанасов, Апонькин, Карпушкин, Борискин* и др. Но, к счастью, миссия не смогла сколько-нибудь изменить шорский фамилиекон, так как основной состав фамилий уже сложился у шорцев в XVII – XVIII веках.

Это красноречиво говорит о том, что фамилия – лишь знак реальности, а не сама реальность. Фамилиекон вырастает и обусловлен самим укладом жизни, он порождён самой системой общественных отношений, типом ландшафта и формой хозяйствования. В те времена, когда появились шорские фамилии, система общественных отношений была традиционной, сохранялась связь со своими древними верованиями, с бесценным опытом, накопленным предками. И этот опыт в фамилиях отпечатался не меньше, чем в других культурных знаках. Проникнуть в содержательную часть знаков – задача не менее важная, чем сохранение языка. Ибо сам язык – это тоже сложно-системно сотворённый культурный знак, за которым стоит определённый реальный народ со своей культурой и историей.

Шорские фамилии ныне через метисацию проникают в другие народы, становятся частью иных культур. Но как бы то ни было, мы (если считаемся русскими, а носим шорскую фамилию) не можем, не имеем права не помнить своих предков, ибо мы начинаемся не на пустом месте, и наши предки – это не просто наши предки, а неотъемлемая часть нашей души, нашей личности в целом. И помнить о них нужно не им, а нам, они – опора и гарантия нашей устойчивости и укоренённости в бытии.

1.1.2.2. О написании современных шорских фамилий

Шорские фамилии (имена тѐлей-семей) были в XVII – XIX веках освоены русским языком и культурой, а через документы разного уровня и назначения внедрены и в шорское сознание – как авторитетная форма написания их фамилий. Они записывались писцами в соответствии с нормами русского языка, в том числе с нормами русского языка того времени. Иначе говоря, шорские фамилии искажались, поскольку освоение чужого языка и культуры (а шорские фамилии есть неотъемлемая часть шорской культуры) всегда сопровождается разной степенью искажения.

Назовѐм типичные искажения, к которым привыкли и шорцы:

1) добавление русских антропонимических суффиксов *-ов-*, *-ев-* и *-ин-* к названиям тѐлей-семей: *Пагачақ* → *Пагачаков*, *Абаққай* → *Абакаев* и т. п.;

2) изменение шорских специфических звуков речи на свои привычные звуки речи: *Ўртегеш* → *Уртегешев*, *Күртүк* → *Куртуков*, *Тиңгеш* → *Тингешев*, *Сүлеңек* → *Суленев* и т. п.;

3) озвончение глухих согласных в начале фамилии, в результате чего мы имеем: вместо *Пекрең* → *Бекренѐв*, вместо *Пайлагаши* → *Балагашев*, вместо *Паши* → *Башев*, вместо *Пабыши* → *Бабушкин* и т. п.;

4) замена [ч] твёрдого в шорском (в фамилиях с твёрдым [ч]) на [ч] мягкий в русском (в русском языке [ч] только мягкий), в результате шорское начальное [ча] изменяется в [че]: *Чалбагаш* → *Челбогашев*, *Чагачақ* → *Чегочаков* и т. п.;

5) искажение шорских фамилий оканьем или позднее аканьем, присущими русскому языку разных периодов: *Отчеоол* → *Ачѐлов*, *Отчеоолақ* → *Ачулаков*, *Костачақ* → *Косточаков*, *Чудаяқ* → *Чудояков*, *Абаққай* → *Абокаев* и т. п.;

6) искажение перемотивировкой под привычные апеллятивы русского языка, если шорская фамилия напоминает то или иное русское слово: *Нитке* → *Ниткин* (перемотивировка на «нитка»), *Папуши* → *Бабушкин*, *Ырышқа* → *Рыжкин* (перемотивировка на «рыжий»), *Керсән* → *Кирсан* (перемотивировка на христианское имя *Кирсантий*) и т. п.;

7) искажение шорских тѐлей-фамилий тем, что русский вариант фамилии отражает обобщѐнное наименование тѐля-семьи – с аффиксом множественного числа: *Қаныши* → *Каныштаров*, *Күттер* → *Кутерин* и т. п.

Нам бы хотелось здесь обратить внимание не на то, что русские писцы когда-то сделали ту или иную ошибку (она, как оказалось, была закономерна), а на то, что сделанная писцом ошибка должна быть нами понята именно как ошибка, а не как правильное написание шорской фамилии (а этим написаниям более ста и двухсот лет). Только в этом случае мы имеем возможность восстановить правильный облик исходного имени. А восстановить исконное звучание – это значит восстановить прошлое своего народа в том виде, как оно было на самом деле. Задача не из легких, но она весьма благородна и высока.

Таблица 1

Некоторые шорские фамилии и их значение¹

№	<i>Шорская фамилия по-русски</i>	<i>Шорское имя тёля-семьи-фамилии</i>	<i>Значение индивидуального имени предка тёля-семьи-фамилии (жившего в XVII – XIX веках)</i>
1	Абокаев	Абаққай	белолицый, благоотмеченный Богом-Қудаем.
2	Адыяков	Адайақ	подобный собаке: верный, преданный, умный, чуткий, сообразительный.
3	Акпыжаев	Ақпажай	светловолосый, благоотмеченный Богом-Қудаем.
4	Акужаков, Акушаков	Аққушақ	подобный белому лебедю: красивый, душевно чистый, свободный.
5	Акуляков	Аққуляк	имя в память о селе Ақколь, ассоциация с белым озером.
6	Амзараков	Амзарақ	имеющий тонкий вкус, искусно готовящий пищу.
7	Арбачаков	Арбачақ	подобный ячменю: жизненность, многодетность, неприхотливость, сытость, обеспеченность.
8	Бекренёв	Пекпең	крепкий, сильный, выносливый, надёжный
9	Бельчегешев	Пелчегеш	подобный таймену: сильный, крупный, сметливый, изворотливый.
10	Идигешев	Идегеш	подобный собаке: верный, преданный, умный, чуткий, сообразительный.

¹ См. подробнее: [Косточаков 2005, с. 30–134].

11	Идимешев	Идимеш	подобный собаке: верный, преданный, умный, чуткий, сообразительный
12	Изыгашев	Изигәш	горячий, энергичный, душевно тёплый
13	Иптешев Эптешев Иптегешев	Эптеш Эптегеш	\\ аккуратный, умелый, умеет приспособливаться к сменяющимся обстоятельствам.
14	Кыдымаев Кыдыяков	Қадымай Қадыяқ	неотъемлемая часть меня (говорится от имени родителя).
15	Кадышев Каташев	Қадыш \\ Қатташ	достойный продолжатель рода; верный друг, товарищ.
16	Комзараков Комзычаков	Қомызырақ Қомызычақ	искусный музыкант и чувствующий музыку.
17	Канзычаков	Қаңзачақ	подобный курительной трубке: умный, мудрый.
18	Каныштаров	Қаныш	подобный хану, будущий хан.
19	Каралтаев	Қароолтай	подобный прицелу ружья: меткий стрелок.
20	Каучаков	Қуучақ	подобный белому лебедю: красивый, душевно чистый, свободный.
21	Кирсанов	Керсән	Аккуратный, разумный, способный, талантливый.
22	Кискоров	Кескир \\ Кескор	подобный наконечнику стрелы: острый ум и меткость.
23	Киштеев	Киштей	подобный соболю: подвижный, юркий, быстрый, хитрый.
24	Косточаков Костораков Костяков	Қостачақ Қостарақ Қостаяқ	подобный свистящей стреле: храбрый защитник родной земли-народа.
25	Курегешев	Күрегеш Көрүгеш	\\ подобный бурундуку: трудолюбивый, запасливый, имеет чувство чести.
26	Куртегешев	Күртегеш Күртүгеш	\\ подобный тетереvu: осторожный, скрытный, даже немного трусливый и красивый.
27	Курдаков	Қурудақ	подобный сушеному сыру: худой, жилистый, сильный и имеющий сытную жизнь, благополучие.
28	Куспеков	Күспек \\ Көспек	могущий видеть «кут» (сущность людей), влиятельный, станет из-

			вестным.
29	Кусургашев	Қусуруғаш	подобный хвосту: самый младший; или несамостоятельный, ведомый.
30	Кушаков Кужаков	Қушақ \\\ Қужақ	подобный птице: свободный, умный, красивый.
31	Майтаков Майнаков Майногашев	Ымайтақ Ымайнақ Ымайнағаш	благосланный богиней Ымай бездетным родителям.
32	Малтаяков	Малтаяқ	подобный топору: защитник дома, семьи и родной земли-народа.
33	Отургашев	Оттурғаш \\\ Одурғаш	подобный скамье: простой и терпеливо несущий груз забот, безотказный на помощь, домосед.
34	Ошкачаков	Өшкечек	подобный козе домашней: домосед, умён, но своеволен и привередлив.
35	Пагачаков	Пағачақ	подобный лягушке: косноязычный, водолюбивый и беззащитный, но Қудай помогает.
36	Пыжлаков	Пыжылақ	подобный варёному сыру: будет иметь сытую и счастливую жизнь.
37	Рыжкин Распаев	Ырышқа \\\ Ырысқа Ырыспай	будет счастливым, удачливым, ему повезёт.
38	Сыркашев Сыргашев Шарагашев Шерегешев Серегешев	Сарықаш Шарағаш Шәрәгәш Сәрәгәш	потомок качинского (хакасского) сеока-рода Сары каш, в 18-м веке переселившегося в Шорию, рода древнесамодийского происхождения.
39	Судочаков	Судачақ	подобный стеклу: необычно красивый и хрупкий, беззащитный.
40	Сулеков	Сүлек	подобный стеклу: необычно красивый и хрупкий, беззащитный.
41	Суленеков	Сүлеңек	подобный радуге: красота, благожелательность, конец дождя.
42	Таннагашев	Таннағаш	подобный жемчугу: красив, богат, необычен.
43	Тептегешев Тепчегешев	Тептегеш Тепчегеш	подобный чаше «тепчи» для жертвоприношений: благословенный Қудаем.

44	Тобоков Топоков Топаков Тобокаев	Тобок\\ Топок \\ Топақ Тобоқай	подобный кедровой шишке: польза, много детей, дружелюбие.
45	Тодышев Тотышев Тутушев	Тодыш \\ Тоттыш Тутуш	потомок телеутского сеока-рода Тодош, в 18-м веке переселившегося в Шорию, рода древнесамодийского происхождения.
46	Тодяков Тодыяков Тудегешев	Тодяқ Тодыяқ Тудегеш	выходец из сеока-рода Тодош, один из Тодошей.
47	Токмашев Токмагашев Токмачев	Токумаш Токумағаш Токумач	подобный чепраку: красочность, красота и богатство.
48	Торбоков	Торбоқ	подобный жертвенному телёнку: защита от хозяина воды-суғ-ээзи.
49	Тортогашев Тортумашев Тортобаев	Тортағаш Тортумаш Тортабай	подобный вытопкам после вы- тапливания масла: самый по- следний и самый любимый сын.
50	Челбогашев	Чалбағаш	ширококостный, крупный чело- век.
51	Шелтреков	Шелтирек	активный, импульсивный, непо- стоянный.
52	Шулбаев	Шүлбай	прекрасной души, богатый.

1.3. Шорская этнонимия

1.3.1. Названия и самоназвания народа

Многие народы существуют не одно столетие и больше, и в пространстве своего прошлого они известны под разными именами. Весьма редкие народы могут похвастаться лишь одним именем, прошедшим сквозь толщи истории. При этом следует учесть несколько существенных моментов, первым из которых будет то, что у каждого народа существуют название и самоназвание.

Название – это наименование народа, пришедшее со стороны, от народа-соседа, название народа, существующее в языке этого самого народа-соседа. В терминах ономастики такое наименование будет обозначено термином «экзоэтноним» (переводится как «название народа, пришедшее извне»).

Экзоэтноним, как всякое другое наименование извне, скажем, прозвище у отдельного человека, часто представляет собой слово чу-

жого языка (то есть языка народа, который дает это название), то есть может иметь лексическое или символическое значение, а также стилистическую окраску, но они часто недоступны, темны для народа, который называется. В нашем случае это русское слово «кузнецы», превращенное в экзоэтноним по отношению к шорцам. Чуть позже «кузнецы» видоизменились в «кузнецких (ясачных) людей» и в «кузнецких татар», потому что слово «кузнецы» в общей лексике русского языка обозначало людей по профессии, а не по национальности.

Но чаще в качестве экзоэтнонима берётся уже существующий экзоэтноним соседей называемого народа, берётся, конечно, лишь корень чужого экзоэтнонима, осваивается в своем языке, хотя и остаётся словом, непонятным в своем языке, словом как бы «экзотическим». В нашем случае это экзоэтноним «шор», который уже существовал в языках теленгитов, телеутов, кумандинцев, челканцев и тубаларов, и это слово было взято русскими и освоено до «шорец // шорка», и стало еще одним русским экзоэтнонимом по отношению к шорцам.

Кроме стороннего названия у всякого народа существует и самоназвание, в терминах ономастики это – «*автоэтноним*» (переводится как «самоназвание народа»). Автоэтноним у народа появляется вскоре после того (или параллельно), как данный народ сложился как этнос, а всякий народ складывается в результате этногенеза. Цепочка взаимосвязанностей следующая: появляется этнос, вслед за этим возникает необходимость в самоназвании, появляется самоназвание.

Автоэтноним тесно связан со структурой называемого этноса. Структура же всякого этноса, согласно объективным законам, выявленной этнологией, такова: всякий этнос есть энергетическая система (структура), то есть система взаимодействий нескольких субэтносов и противопоставления себя всем другим коллективам. Субэтносы существуют благодаря тому, что они входят в единство этноса. Без этноса они рассыпаются и гибнут. В активный свой период этнос как система обнаруживает множество субэтносов и активно-сложное их взаимодействие. В старые годы этнос упрощает свою структуру, которая позже может вообще распасться на отдельные субэтносы, что предполагает собой гибель этноса, когда энергетически сцепляемые части распадаются. Этносы нередко образуют суперэтносы, то есть группу этносов, возникшую одновременно в одном регионе и проявляющую себя в истории как мозаичная целостность, состоящую из

этносов. Суперэтноты своей мощной энергией распространяются в пространстве, захватывают и вовлекают в этногенетический процесс другие народы, преобразовывают их посредством своего энергетического вливания, и этим расширяют себя. А потом со временем это суперэтническое сообщество распадается, но не сразу, а постепенно, от него откалываются (гибнут) отдельные этноты, однако части, периферия суперэтноты остаются, и в лице этой периферии мы имеем «сжатый» суперэтнос. Это этноты-реликты, даже суперэтноты-реликты, которые по-своему продолжают культуру и мироощущение (этническую жизнь) материнского суперэтноты [Гумилёв 1993, с. 101–118].

Исходя из вышесказанного про этноты и их структуру, следует различать частные автоэтнонимы и общие автоэтнонимы. Частный автоэтноним – это самоназвание рода-сеока или группы родов в одном отдельном ландшафте. Общий автоэтноним – это самоназвание этноты в целом, или же – самоназвание суперэтноты-реликта (в нашем случае).

Прежде чем перейти к собственно ономастическому анализу экзоэтнонимов и автоэтнонимов шорского народа, следует отметить, что экзоэтнонимы довольно редко совпадают с автоэтнонимами. Это будет наглядно видно из нашего ономастического анализа.

1.3.2. Названия шорских родов

Сеок-род всегда был важнейшей общественно-хозяйственной и территориальной единицей народа. Он был, как мы отметили выше, относительно самостоятелен, решал все вопросы жизнедеятельности простых людей через паштыка (вождя, главы рода) и на общих собраниях рода-чылыҕах. Но постепенно его функции сужались и сужались по многим внутренним и, особенно, внешним причинам.

Сегодня невозможно говорить не только о сохранении тех или иных составляющих института рода, но и о простой памяти большинства представителей народа о родовой принадлежности их родителей и дедов. Всё давно забыто, точно этого никогда не было. Но осталась литература, которая сохранила названия былых шорских родов.

Для нас шорские этнонимы важны как своеобразные исторические документы, в которых нашли своё отражение те или иные события глубокой древности, не зафиксированные письменным текстом или не дошедшие до нас. Надо заметить, что письменных документов

до XVII века нет никаких. Поэтому шорские этнонимы невозможно переоценить, когда речь идёт об этнической истории шорцев дороссийского периода. То же самое можно сказать о шорских антропонимах и топонимах Горной Шории. Шорские этнонимы важны прежде всего в решении вопроса происхождения народа. Последнее покрыто мраком, однако этнонимы (как и антропонимы и топонимы) обладают свойством пролить туда немного света.

Для того чтобы этнонимы (в данном случае) действительно стали историческими документами, необходимо подвергнуть их специальному анализу. Суть его такова: во-первых, нужно реконструировать первоначальную фонетическую и морфологическую форму онима, во-вторых, приступить к реконструкции первоначального (этимологического) значения рассматриваемого онима.

Названные два этапа реконструкции суть задача лингвистическая, но она невозможна без учёта и обработки и имеющихся исторических документов (где есть формы написания онима), и выводов (с фактами) тех гуманитарных и естественных наук (этнография, этнология, археология, топонимика, общая история и др.), которые посвящены или связаны с проблемой происхождения шорского народа. Кроме того, здесь невозможно обойтись без предположений и гипотез, т. е. без того, без чего не может обойтись настоящая наука.

Фонетико-морфологическая реконструкция этнонимов осуществляется через сопоставление разных форм одного и того же этнонима, которые зафиксированы в диалектах и говорах шорского языка, а также в исторических документах, научных работах XIX и XX веков. Сопоставляются и формы тех или иных похожих этнонимов, бытовавших в разное время у близких народов: хакасов, алтайцев, телеутов, кумандинцев и челканцев. Цель — выявить фонетико-морфологический архетип с учётом фонетического и морфологического строя названных языков.

Этимологическая реконструкция базируется на той простой мысли, что любой этноним — это прежде всего слово какого-то конкретного языка с не менее конкретной семантикой (лексическим значением). Поэтому основная цель этой реконструкции: найти язык, которому принадлежит данный этноним, и далее найти то самое слово в этом языке, рассмотреть его значение (семантику). Следовательно, (1) не обойтись без выводов различных исторических наук и этнологии на предмет происхождения шорского народа с их фактами и довода-

ми; (2) не обойтись без лексических и грамматических материалов по языкам народов, так или иначе повлиявших на зарождение и развитие шорского народа (если, конечно, есть такие материалы). Если такие языковые материалы есть, то сопоставление с общей лексикой этого выявленного языка происходит на основе фонетически и морфологически реконструированного этнонима.

Почти всегда та семантика, которая нами реконструируется, ныне полностью утрачена, и тут опорой становится наличие подобной семантики у народов, которые сумели донести до наших дней свои исконные названия родов, т. е. названия, созданные на их родных языках и сохранившие исконное значение, и сумели сохранить своё древнее мировоззрение – базу тех исконных названий. Либо подобная семантика была зафиксирована учеными прошлого у других народов, в том числе территориально далёких от шорцев.

Исходными точками наших построений являются следующие постулаты.

1. Новый этнос всегда образуется, согласно Л. Н. Гумилёву, за счёт энергии пассионарности, которая либо своя (от пассионарного толчка), либо принесена со стороны пассионарно заряженным народом. Известно, что шорский этнос образовался за счёт энергии извне и очень давно, энергии, которая и была «влита» в предков шорцев. Причём, пассионарно заряжённый народ не ограничился только предками шорцев, он включил в зону своей этнической экспансии весь Саяно-Алтай, то есть и предков хакасов, и предков алтайцев, и предков телеутов, кумандинцев и челканцев. Так вот, в результате этой этнической (энергетической) экспансии названные этносы и сложились, в том числе и шорцы.

Следовательно, в процессе этнической (энергетической) экспансии были задействованы два действующих субъекта: а) пришлый пассионарно заряженный народ-этнос; б) аборигенные предки шорцев, алтайцев, хакасов, кумандинцев, телеутов и челканцев (пассионарно слабые народы-этносы).

Пассионарный народ – древние тюрки. Он не имел одного имени и вместе с тем он был един, как и его потомки. Он был един в разнообразии. Он говорил на одном языке и понимал сам себя, но его язык имел фонетические и лексико-семантические чередования, которые легко преодолеваются на слух и трудно – в письме.

«Древние тюрки» – это обобщенный термин, используемый в науке. Термин, обозначающий сложный этнос (по Л. Н. Гумилёву – суперэтнос). Этот сложный этнос-суперэтнос в V – XI веках своей этнической (энергетической) экспансией заполнил весь восток Великой степи, в том числе и Саяно-Алтай. Он назывался (в разное время его 500-летней гегемонии в степи) по-разному: сначала *тюрки-тюркюты-кёк тюрки, тогуз-огузы и телесцы*, потом *уйгуры*, в самом конце – *кыргызы*. Но важно другое: все они были тюрки, единый в многообразии народ.

Вот они, древние тюрки, и распространили свою экспансию на Саяно-Алтай в V – VIII веках и оставили здесь своих генетических, языковых и культурных потомков – саяно-алтайцев (тоже сложный этнос – единый в многообразии), в том числе и шорцев.

Итак, шорцы – потомки древних тюрков, реликт этого великого народа средневековья, доживающий дни своей глубокой старости.

2. Но у народа, как и у обыкновенного человека, не может быть только один родитель. Более того, у народа может быть не один, а несколько родителей. Древние тюрки до их прихода на Саяно-Алтай и древние тюрки последующего времени (времени империй) – это не один и тот же народ. Придя, в частности, на Саяно-Алтай, они смешались с аборигенами, и в результате этого образовалось несколько новых этносов внутри тюркского суперэтноса. Одним из таких новых этносов Саяно-Алтая, образовавшегося в тот период, были кыргызы Среднего Енисея, а также те этносы, которые живут до сих пор на Саяно-Алтае, в том числе и шорцы.

Итак, аборигенные народы Саяно-Алтая того времени – это еще одни родители нынешних саяно-алтайцев. Аборигенами на Саяно-Алтае в то время были народы, которых, понятно, ныне здесь нет. Они слились с пассионарными тюрками и сами стали пассионарными тюрками. Но не все, часть аборигенов ушла на север (а куда еще?), не желая потерять свою этническую идентичность. На севере сохранились потомки ушедших туда. И это обстоятельство поможет мне в нашей работе – в сопоставлении и этимологизации этнонимов.

Аборигенными народами были народы кетского, самодийского и угорского корней. Следовательно, шорцы – и потомки кетов, самодийцев и угров средневековья, потомки прежде всего генетические и частично – культурные.

Шорцы – саяно-алтайцы

Мы сегодня знаем про шорцев, что этот народ говорит на тюркском языке, то есть на языке тюркской группы языков, причем шорский язык сохраняет многие элементы древнетюркского языка, а сами шорцы являются одним из тюркских этносов мира, по всей видимости, являются прямым родственником средневековых тюрков. И культура шорцев тоже имеет прямое отношение к культуре древних тюрков. Вместе с тем можно сказать, что шорцы являются одним из этносов Саяно-Алтая. А этносы Саяно-Алтая представляют вместе нечто цельное, их можно назвать единым народом тюркского корня, я их называю «Саяно-Алтайский реликт», или «Саяно-Алтайский суперэтнос». Второй, пожалуй, более удачный и точный термин.

Так вот шорцы являются неотъемлемой частью этого Саяно-Алтайского суперэтноса (содружества нескольких небольших отдельных этносов). А Саяно-Алтайский суперэтнос, его представителей, можно назвать саяно-алтайцами. Саяно-алтайцы это – шорцы, алтайцы, хакасы, телеуты, кумандинцы, челканцы, тубалары, тувинцы.

Чем едины саяно-алтайцы? Культурой, близкими языками, но не только этим. Они обладают взаимно близким мироощущением, они, глядя друг на друга, чувствуют, ощущают, что они все друг другу – свои. И противопоставляют себя всем другим, чужим, не саяно-алтайцам. Таких чужих, скажем, в шорском языке называют «қазақтар». Под этим словом подразумеваются не только русские, но и все другие народы, не шорцы.

Тюркский суперэтнос

Саяно-алтайцы являются наследниками, я бы сказал, младшими братьями средневекового тюркского суперэтноса. Этот суперэтнос называют еще степным суперэтносом, называют и древними тюрками. Это было содружество нескольких тюркских этносов, которые создали, имели и укрепляли общее государство – каганат. В это содружество входили тюрки, их еще чуть позже называли *кёк тюрк* (тенгрианские или небесные тюрки), тюрки *сиры*, *тюргеши*, этносы *он-ок*, несколько этносов *теле*, в том числе *уйгуры*, а также *тогуз-огузы* и еще *кыргызы*. Эти этносы, получив верховенство в каганате, сразу давали каганату свое имя. Сначала появился Тюркский каганат (552 – 630 гг. н. э.), потом он возродился под названием Второй Тюркский каганат (682 – 745 гг. н. э.), затем был Уйгурский каганат (754 – 845 гг. н. э.) и последним стал Кыргызский каганат (845 – 1100 гг.

н. э.). Тюркский суперэтнос (древние тюрки) властвовал в Великой степи более полутысячи лет.

Пространством каганата Тюркского суперэтноса было пространство почти всей Центральной Азии: на западе он простирался до Каспийского моря, на севере – до озера Байкал и сплошной сибирской тайги, на востоке – до Восточно-Китайского моря, на юге – до Китая и Тибета. Большое пространство, почти полмира. Много сил и энергии тратилось, чтобы сначала завоевать такую территорию, а потом удержать ее. Так что к появлению Монгольского суперэтноса и Монгольской империи многие тюркские этносы выглядели усталыми, монголы влили в них свежие силы. Затем тюркский суперэтнос был поглощен этим вновь народившимся Монгольским суперэтносом, выдвинувшимся на историческую арену в XII веке и известным благодаря громкому имени своего первого императора Чингизхана.

В результате поглощения тюркских этносов Монгольским суперэтносом многие из тюркских этносов изменились и получили второе свое рождение. Мы знаем, что «на дрожжах» Золотой Орды и Белой образовалось несколько новых тюркских этносов и их государства: казахи, узбеки, татары, крымские татары, ногайцы и др.

Лишь на Саяно-Алтае в то время (после падения Золотой Орды в XV веке) не появилось ни одного нового этноса. Потому что монгольский этногенетический процесс (монгольский этнический кипящий котел) серьезно не изменил этносы Саяно-Алтая, пройдя мимо на запад. На Саяно-Алтае же все еще продолжался старый (тюркский) этногенетический процесс: давно образовавшиеся этносы доживали свой исторический век.

Этногенез шорского народа

Самым последним тюркским этносом, вышедшим на историческую арену, был кыргызский этнос. Это уже был Саяно-Алтайский этнос. Вероятно, тогда под онимом «кыргыз» подразумевались не только собственно кыргызы, но и другие, в том числе и нынешние этносы Саяно-Алтая. Кыргызы и все саяно-алтайцы как этносы появились, очевидно, в VI – VII веках н. э., родившись на «дрожжах» принесенной сюда тюрками пассионарности, а через сто-двести лет своей фазы этнического подъема – в 845 году н. э. – уже набрали столько силы, что смогли получить верховенство в суперэтносе и каганате, образовав Кыргызский каганат.

Войдя в полную свою силу, в IX – X вв. саяно-алтайцы смогли выделить из себя не только *кыргызов*, но и *кыпчаков*, или *кимаков* (это по происхождению один и тот же этноним, но немного разные этносы). Кыпчаки ушли, кимаки ушли, часть кыргызов тоже ушла из Саяно-Алтая, а здесь остались те этносы, которые мы знаем и сегодня, в том числе и шорцы.

В VI – VII веках н. э. Саяно-Алтай, очевидно, представлял собой этногенетический тюркский кипящий котел, то есть здесь шел процесс образования тюрков из аборигенов. Это не ассимиляция, это не просто переход людей на другой язык, это процесс превращения не тюрков в тюрков. На южные границы региона этот процесс пришел еще в V веке н. э., точнее – в 439 году, когда сюда пришло 500 семейств тюрков Ашина. То есть у этого процесса было и продвижение на север, на горные плато и в тайгу, что происходило в течение следующего столетия.

Продвижение на север было двумя путями: 1) форсирование Алтая через Чуйский проход (ныне там проходит Чуйский тракт) и выход в Алтайскую степь, в том числе и в лесостепь Северного Алтая, то есть в Кузнецкую котловину; 2) форсирование Западного Саяна через Аныйский проход (ныне там проходит автотрасса Ак-Довурак-Абаза) и выход в Сагайскую степь.

Этногенетический кипящий котел был как бы двойственным: один кипел на Центральном, Северном Алтае и Алтайской степи, второй – в Сагайской степи и Северном Алтае. И такой котел кипел с VI по IX века, триста с лишним лет, высшим моментом такого кипения стал 845 год, когда был образован Кыргызский каганат, и саяно-алтайцы стали властвовать в мире под названием «кыргыз».

На Саяно-Алтае взаимодействие происходило между пришлыми тюрками и аборигенами. У нас не степь, поэтому этногенетические процессы проходили не так быстро, скорее, медленно, но неизменно, целенаправленно. Какие народы проживали в Горной Шории до прихода сюда тюрков?

Дотюркские народы Саяно-Алтая

Кеты

В бассейне Мрассу и верховьях Томи жили *кеты* («кет» на их языке: «человек»).

Кеты – это не один народ, а целая группа родственных народов, целая семья языков, можно сказать, кетский суперэтнос. Как суперэтнос кеты когда-то имели свое государство. Это, возможно, то государство, которое в китайских хрониках называется «динлин» («белые ди», ди=самоназвание народа»). Центр этого государства был в Сагайской степи, захоронения царей этого государства находятся в одном из районов Сагайской степи и называются Салбыкскими курганами.

Кеты, проживавшие в бассейне Мрассу и в верховьях Томи, были одним из этносов кетского суперэтноса. Как и весь суперэтнос, мрасские и томские кеты в начале древнетюркского времени прожили большую часть своей этнической жизни, лучшие их годы остались в прошлом.

От мрасских и томских кетов до сегодняшних дней осталась их адаптированная гидронимия. Факт сохранения тюрками кетской гидронимии говорит о том, что (1) этнические кеты не ушли, а остались на этой территории; если и ушли, то лишь частью; (2) кетов здесь было больше, чем этнических тюрков.

Ономастические исследования показали, что рода-сеоки мрасских шорцев представляют собой разные формы адаптации (искажения) одного сохраненного кетского этнонима, существовавшего здесь в дотюркские времена. Вот они – формы адаптации (искажения): *Кый*, *Кызай* (*Кызыл-гая*), *Кычы* и *Кобый* и еще *Карга*. Реконструируем эти формы.

Кызай

Искажение наличествует в инлауте – из-за тюркского чередования [й] \ [з]. Поскольку мрасский вариант тюркского языка не терпит [й] в инлауте и сразу преобразует его в [з], то произошли следующие фонетические изменения: *Кызай* ← *Кыйай*. Ауслаутный [й], скорее всего, добавлен тюркским языком – по образцу звательной формы с аффиксами [ай] \ [ей]. Следовательно, первичной формой этнонима будет, скорее всего, форма «Кыйа».

Кызыл-гая

Известен как абсолютный синоним названия Кызай. Очевидно, что в данном случае мы имеем двойное искажение по народно-этимологическому типу. Народно-этимологический тип искажения

заключается в том, что семантически пустой оним, если он немного похож на какое-нибудь слово общей лексики-апеллятив, искажается до почти полной омонимии с тем апеллятивом. Первое искажение: *Кызыл* ← *Кызай* ← *Кыйа*. Второе искажение: *гая* ← *кайа* ← *Кыйа*, или *Койа*. Соединившись вместе, двойное искажение стало походить на вполне понятное словосочетание: *Кызыл-гая*=Красная скала (гора). А здесь уже появляется повод появиться легенде о Красной скале [Бутанаев, Бутанаева 2010, с.165–166].

Кый

Искажения здесь, как будто бы нет, но все-таки гласный после [й] утрачен, а это тоже факт искажения. Отсутствие изменения [й] в [з] говорит о том, что в данном случае адаптером этнонима был не мрасский вариант тюркского языка, а кондомский, в котором [й] в инлауте сохраняется. Посмотрев на место проживания рода-сеока *Кый*, мы видим, что это самые верховья Мрассу и проникновение туда со стороны Алтайской степи (кондомский вариант тюркского языка оттуда) было вполне возможно, так в районе Усть-Кабырзы, там, где ныне проходит трасса Таштагол – Усть-Кабырза, издревле существовала «прореха» – конно-пеший путь проникновения в Мрасский природный анклав с запада, а от Усть-Кабырзы по долине реки Кабырза и через Абаканский хребет – на восток.

Кычы

Искажение здесь тоже в инлауте, но чередуются не [й] \ [з], а [й] \ [ч], вернее [дʲж] мягкий. В данном случае мы имеем весьма редкое чередование, замещение сонанта [й] щелевым [дʲж] в соседстве с узкими гласными. Ученые считают, что это явление зародилось в уйгурском языке, в котором случаи подобного замещения наиболее разнообразны [Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков 1984, с. 298]. То есть Кычы – это след уйгурского влияния, не случайно же шорский язык относится к огузо-уйгурским тюркским языкам. Затем [дʲж] стал глуше и приобрел в шорском языке современное звучание [ч]. Получила следующая цепочка искажения: *Кычы* ← *Кыдʲжы* ← *Кыйа*. Здесь вполне тоже мог сыграть закон народно-этимологических объяснений, ведь этноним Кычы похож на апеллятив «кичиғ=маленький; младший».

Подведем небольшой итог. Формы *Кый*, *Кызай*, *Кызыл-гая*, *Кычы* восходят к одной первичной форме *Кыйа*. Иначе говоря, у кетов су-

ществовал один этноним, который после этнического превращения кетов в тюрков разделился на несколько шорских этнонимов.

Кобый

Здесь искажение только в том, что добавлена звательная форма с аффиксом -ай-, а первичной формой было *Коб*. Получается так: *Кобый* ← *Коб*.

Обратившись к лексике кетского языка, записанным благодаря стараниям самого профессора А. П. Дульзона и его учеников, прежде всего к его книгам «Кетский язык», «Очерки по грамматике кетского языка», а также к работам «Кетские наречия первой половины 18-го века», «Словарные материалы 18-го века по кетским наречиям» и др., мы обнаружили, что реконструированные слова *Кыйа* и *Коб* в кетских наречиях имеют значение. Более того, они по отношению друг к другу являются синонимами.

Если обобщить наши результаты, то получится следующая картина.

В бассейне Мрассу и в верховьях Томи проживал кетский народ, который называл себя *Койа* \ \ *Кыйа* \ \ *Коб*. Если перевести этот эндоэтноним данного народа и сформулировать, то это – народ Медведя. При этом следует пояснить следующее:

1. Этот народ говорил на двух диалектах кетского языка, и в каждом диалекте было как минимум два говора. О диалектах и говорах внутри диалектов говорят варианты эндоэтнонима, где налицо чередования диалектные: [йа] \ \ [б] (*Кыйа* \ \ *Кыб*, *Койа* \ \ *Коб*) и чередования говорные в инлауте: [о] \ \ [ы] (*Койа* \ \ *Кыйа*). У нынешних кетов имбатский диалект имеет формы: *Койе* \ \ *Кой*, а сымский диалект имеет две формы: *Хой* и *Хыб* (здесь еще чередование в анлауте [к] \ \ [х]) [Дульзон 1964, с. 46].

2. У этого кетского народа было тотемическое мышление, поэтому в эндоэтнониме тотем – «медведь». У мрасских шорцев как прямых потомков этого кетского народа сохранилась часть тотемического мифа о происхождении человека от медведя, это легенда, которую мы сегодня описательно называем «Легенда о женитьбе медведя на девушке». Дыренкова их записала на Мрассу, в других местах Шории такой легенды нет. Говоря просто, медведь женился на понравившейся девушке и от этого брака родился народ Медведя. В легендах много говорится об уме медведя, его хитрости, ловкости, силе, так что приятно происходить от него.

Самодийцы Кара \\ Kärä

На территории Кондомы в древнетюркский период проживал самодийский народ, который называл себя *Кара \\ Kärä*. Этноним *Кара \\ Kärä* был для самодийцев говорящим именем, означал он «журавль» (так переводили и исследователи самодийских языков – Г. Прокофьев и В. Васильев), а весь народ – самодийский народ Журавля, где указывается, что тотемом народа является журавль. Записанная Н. Дыренковой на Кондоме легенда о журавле, похитившем у Ульгена огонь и передавшего его людям, видимо, является фрагментом тотемического мифа о происхождении данного народа от журавля.

Попав в кипящий котел тюркского этногенеза, народ *Кара \\ Kärä* не остался на своих родных местах, можно сказать, долины Кондомы опустели. Видимо, у этого народа был не такой уж низкий уровень пассионарности, они не хотели сдаваться и превращаться в тюрков. Поэтому они ушли на север. Потомками ушедших на север самодийцев *Кара \\ Kärä*, вероятно, является ненецкий род *Харючи*, что входит в состав сибирских тундровых ненцев (самодийцев). Но самодийцы ушли не только на север.

Карга

Некоторые подались на северо-восток, в тайгу, в глухие места Мрассу, оказались в районе нынешнего Усть-Анзаса, где вскоре объединились с тамошними кетами народа Медведя. В результате такого объединения позже появился род-сеок и этноним *Карга*. Этот этноним долго объясняли народно-этимологически, совместив этноним и апеллятив «карға=ворона». По законам тотемизма ворону стали называть по-другому: «қара таан» = «черная галка». Но на самом деле этот этноним означает другое и не имеет ничего общего с этим апеллятивом. Это сложный этноним, представляет собой контаминацию двух этнонимов: *Кара + Койа* → *Кар(а)кай* → *Карга*. Второй этноним – чисто мрасский, остался от народа Медведя, а первый – пришел с района Кондомы.

На Кондоме осталось лишь несколько групп или родов этого народа, которые впоследствии образовали несколько шорских родов-сеоков. Это были в такой степени маленькие рода, что очень быстро они растворились среди других, более крупных родов. Можно припомнить их наименования.

Караи \\ Кереш \\ Керет

К самодийскому этнониму добавлен тюркский аффикс -ш- и монгольский -т-, обозначающие множественность, но на самом деле это был небольшой род, зафиксированный в низовьях Кондомы на реке Кинерки и в устье реки Аба. Фонетические разночтения связаны с фонетикой исходного этнонима, там был гласный [ä], который трансформировался, искажаясь, то в [a], то в [e].

Каран

К самодийскому этнониму добавлен тюркский аффикс -н-, обозначающий малочисленность. Род был действительно малочисленным и проживал в районе селений Кузедеево и Подкатунь.

Угры Тора

Угры народа *Тора* в период тюркского этногенетического кипящего котла были в верховьях Томи и на восточных склонах Кузнецкого Алатау. Видимо, их уровень пассионарности тоже был не на нуле, они поднялись со своих мест и отправились на север.

Угры народа *Тора* были настигнуты экспансией на берегах реки Шора в верховьях Томи. Кто-то остался на месте, другие оттуда направились двояко: одни пошли на север, часть туда ушедших ныне находятся на восточных склонах Кузнецкого Алатау в районе нынешнего города Сорск Республики Хакасия, а также на Севере среди ненцев (род *Тора*), другие пошли вниз по Томи, Мрассу и ныне мы их видим в горнотаежных долинах реки Кондомы. Почти все *Тора* не избежали тюркизации. А вместе с языком изменилась и огласовка этнонима: *Тора* → *Т'орä* → *Чорä* || *Шорä* → *Чор* || *Шор*. Анлаутный [т] был изначально, видимо, палатализованный, поэтому он в сфере тюркского языка (уйгурской разновидности: то, что шло от енисейских кыргызов) он сменился на [ч]. А уже на Кондоме (в верховьях, в районе нынешнего Таштагола) [ч] стал чередоваться с [ш]. И на Кондоме же от этнонима отпал конечный гласный.

Данный этноним *Тора* || *Чора* || *Чор* || *Шор*, по нашему мнению, восходит к угорскому апеллятиву «тора», что означает «журавль». В угорских языках XIX века слово звучало, как и в древнеугорском языке – «тора», как считает А. Кастрен [Опыт перевода остяцкой грамматики 1902, с. 121], в современном хантыйском – как «торы» [Русско-хантыйский словарь 1949, с. 15], в мансийском – как «тарыг» [Русско-мансийский словарь 1946, с. 20]. Заметим, близко звучит и тюркское название журавля: *турна* || *туруна*. Есть два, казалось бы, незначительных отличия: анлаутный [т] в угорских словах полумяг-

кий, а в тюркском – твердый. И второе отличие – у тюрков появляется дополнительный звук [н]. Нет материалов, которые бы проливали свет на связь тюркского и угорского названий журавля, но отсутствие [н] в названии говорит в пользу угорского происхождения, и еще: наличие анлаутного полупалатализованного [т] тоже говорит в пользу угорского происхождения, и еще объясняет, почему *Тора* превращается в *Чора* и *Чор* \\\ *Шор*: вдруг появившийся полумягкий [т] в анлауте «вводит» оним в чисто тюркскую систему чередований, связанных с трансформациями начального [й]: [й] \\\ [т'] \\\ [ч] \\\ [ш]. Для угров тотемизм этнонимов – вещь характерная [Руденко 1914, с. 33–34; Старцев 1928, с. 55–56].

Қара-Шор \\\ Қара-Чор

В верховьях Кондомы часть самодийцев *Кара* \\\ *Kärä* осталась, здесь они объединились с частью пришлых угров народа *Тора*. В результате контаминации пришедших *Чоры* с частью *Кара* получился самодийско-угорский (по происхождению, а по новому этносу – тюркский, вернее, тадарский, шорский) сеок-род *Қара-Шор*. На Кондоме, надо сказать, этот этноним звучал в виде двух фонетических вариантов: *Қара-Чор* \\\ *Қара-Шор*.

Сары-Шор \\\ Сары-Чор

На Кондоме же *Чоры* соединились с частью кетского народа *Сара*, мигрировавшего туда из-за восточной стороны Абаканского хребта по Кобырзинскому проходу. До 1912 года сеок *Сары-Шор* вместе с сеоком *Кара-Шор* составляли одну Кондомо-Карачерскую волость [Кимеев 1989, с. 43]. После административной реформы 1912 года данный сеок составил одну из основ Верхнекондомской волости.

По мнению Н. А. Аристова, этноним *Сары* был известен еще в хуннское время, и дошел до нас в виде искажений *Синри* \\\ *Цайли* \\\ *Синли*, исправив которые, мы получаем *Сары* \\\ *Сару* – кыргызскую *кость* [Аристов 1896, с. 322]. Исследователь считает, что *Сары* по происхождению хуннский, со временем он стал кыргызским, то есть в Хакасско-Минусинской котловине в постхуннское время произошло объединение тамошних (динлинских) племен с пришлыми тюрками под общим межплеменным этнонимом *Кыргыз* [Там же, с. 348]. Реконструировав все бытовавшие формы данного этнонима (прежде всего в китайских записях и огласовках, а также и тюркские, поздние), мы выявили первичное звучание: *Сере* (оно в тюркском языке приобрело вид: *Särä*, затем переосмысленное в *Сары*). Ныне бытую-

щие кетские языки и диалекты подсказали нам значение этого слова – первичной реконструированной формы: он переводится как «олень, дикий олень» [Старостин 1982, с. 145]. Тоже тотемический этноним. О тотемических представлениях у кетов можно прочесть у В. И. Анучина [Анучин 1914, с. 13, 17] и Б. Васильева [Васильев 1948, с. 88, 92].

Себе

Небольшой сеок на нижней Кондоме и нижней Мрассу. В XIX веке почти весь ушел в Сагайскую степь, откуда и переместился в Шорию значительно раньше, а туда прибыл, предположительно, с нижнего Иртыша вместе с качинцами. Имело несколько огласовок: Себе \ Себер. Родовая река и селение – Сибирга, правильно: *Säbärgä* (река сеока Себер). Восходит к древнеугорскому слову со значением «тетерев» [Русско-мансийский словарь 1946, с. 35], тотемный этноним.

Тюркские по происхождению сеоки-рода

Узут-Шор

Восточнее Кондомы на реке Пызас *Чоры* смешались с *Узами*, природными тюрками. Тюрки, пришедшие в потоке тюркской этнической экспансии, были кыпчакской разновидности, смешанные, и они себя называли просто: «племена», что по-тюрки (по-кыпчакски) звучало: *Узут* (уз+ут ← уғуз+ут, где «уз \ уғуз=племя+ут=афф.множественного числа). Ср. оғуз = племя по-огузски, а уз = по-кыпчакски. Издавна данный тюркско-угорский этноним сопоставляли со словом «үзүт» = «душа умершего человека», из-за чего происходило много недоразумений.

Челей

Первоначально небольшой, а потом самый большой шорский сеок, он проживал и на Кондоме, и на Мрассу, и на Томи. Последнее пополнение было за счет переселившихся в середине XVIII века телеутов-родовичей. Происхождение этнонима тюркское, восходит к пратюркскому **jäl*, дававшему в тюркских языках слова-понятия *эл* (*эль*) = земля-народ, и *Тел \ Тил* (тель \ тиль) = язык народа = народ. Перевести этот этноним можно так: «племя, род, народ (мой)». Этот сеок в Шории пополнялся из степи, Алтайской степи, последнее пополнение, как мы отметили, было в XVIII веке.

Чедибер

Сеок в Шории тоже чисто тюркского происхождения, имеется в виду этноним. Этноним говорящий: разложить его, получается: *Четти* + *Пүрү* = Семь + Волков. Волк = символ тюрка. Семь – символ объединения племен. Этот сеок пополнялся из Сагайской степи, откуда первоначально и прибыл в Шорию. Основное расселение было в верховьях Томи, включая и низовья Мрассу.

Вот краткое толкование родовых названий. Сеок-род у шорцев ослаб и исчез в начале XX века. Окончательный удар был нанесен роду-сеоку в 1912 году, когда была проведена административная реформа, максимально укрупнившая волости, на всю Шорию стало 2 волости: Мрасская и Кондомская. А после 1917 года и это было предано забвению, лишь на десятилетие (с 1925 по 1939) вся Шория была объединена в Горно-Шорский национальный район с правами округа.

1.3.3. Автоэтнонимы шорского народа

Самоназвания народа, которые существуют в шорском языке, можно подразделить на три группы: две группы – самоназвания шорцев внутри своего народа, третья группа – самоназвания по отношению к другим и чужим. Назовём эти группы автоэтнонимов:

1. Географические автоэтнонимы, которые употребляются, главным образом, внутри шорского этноса. Речь идёт о самоназваниях локальных групп шорского этноса, субэтносов.

2. Родовые автоэтнонимы, которые употребляются тоже внутри шорского этноса. Речь в данном случае идёт о самоназваниях родов шорского этноса.

3. Общие автоэтнонимы, которые употребляются вне шорского этноса, когда представители шорского этноса называют себя перед другими этносами.

Остановимся на группах более подробно.

Географические автоэтнонимы

Шорский народ – лесной народ, точнее, горнотаёжный. Горнотаёжный же ландшафт предполагает разделённость народа на множество частей, и эти части обусловлены именно особенностями горнотаёжного ландшафта.

Горная Шория, скажем, более-менее чётко разделена на три части – по долинам трёх великих рек: Кондомы, Мрассу и Томи. Не случайно в связи с этим появляются в этнографической литературе гео-

графические автоэтнонимы: «*кондум кижизи*» – «шорец из бассейна Кондомы», «*прас кижизи*» – «шорец из бассейна Мрассу», «*том кижизи*» – «шорец из бассейна Томи».

Но это не совсем автоэтнонимы, вряд ли их можно назвать самоназваниями шорского народа, хотя они тоже чрезвычайно важны – не только в качестве уточнения места проживания шорца, сколько в качестве обозначения элемента этнической структуры шорского народа. Этническая структура народа такова, что её образуют три примерно равных элемента (два элемента – противопоставляющихся друг другу, а третий элемент – синкретирующий): кондомский, мрасский и томский, которые обусловлены горнотаёжным ландшафтом, где важнейшую роль играют великие реки, связующие между собой отдельные речки и долины.

Эти три элемента этнической структуры проявились: 1) в языке: кондомский диалект, мрасский диалект, а долины Томи связывают между собой эти два диалекта в единое целое, неся в себе черты того и другого; 2) в сказительских традициях героического эпоса, где тоже два варианта, а третий – синкретирующий; 3) в антропологических типах шорцев с Кондомы, Мрассу и Томи; 4) в названиях родов-сеоков (есть мрасские роды, есть кондомские, есть синкретичный томские); 5) в гидронимии на Кондоме (преимущественно самодийской, по А. Дульзону), Мрассу и Томи (преимущественно кетской, тоже по А. Дульзону); 6) в разных этногенетических «пристрастиях»: долины Кондомы и части Томи (ниже современных Мысков) тяготели к Алтайской степи, к группе теле, позже – кимакам; долины Мрассу и части Томи (выше современных Мысков) – к Сагайской степи, к енисейским кыргызам и т. п.

Родовые автоэтнонимы

Родовых автоэтнонимов у шорцев примерно 17 [Кимеев 1989, с. 17], по количеству родов-сеоков. Поэтому кто-то называл себя *Челей киж* (Челеец), другие – *Кобый киж* (Кобыец), *Чедыбер киж*, *Тарткын киж*, *Калар киж* и т. п.

Но родовое устройство у шорцев перестало быть актуальным в конце IX – начале XX вв., в Северной Шории быстрее, в Южной Шории медленнее [Кимеев 1989, с. 74–75], следовательно, родовые автоэтнонимы стали постепенно забываться уже в начале прошлого века, и ныне почти никто из шорцев не может определить свою родовую принадлежность.

Общие автоэтнонимы

Разговор об общих автоэтнонимах невозможно вести без рассмотрения узловых моментов этногенеза шорского народа. Но прежде нужно очертить особенности этнической структуры шорского народа.

В связи с вышесказанным кажется неслучайным то, что с долин Мрассу древнейшие тропы и дороги идут в Сагаи (современную Хакасию), с долин Кондомы дороги идут в Алтайскую степь, а с долин Томи имеются два направления – и в Сагаи, и в Алтайскую степь. Сама Шория кажется своего рода горнотаёжным полуостровом между названными двумя степями, а основные дороги идут по рекам Кичи и Кобырза, а также по Томи. И эти дороги проложены не сто лет назад, не двести, а больше тысячи лет назад.

Но надо отметить главное: сама по себе Шория в этногенетическом плане весьма неперспективный район: здесь каждая долина, лог, урочище способны жить обособленно и самостоятельно. Разве что толкала в степь нужда в хлебе и мясе – для обмена на пушнину. Объединяющего фактора здесь нет: и рода-сеоки, и семьи-тёли привыкли жить в тайге обособленно и самостоятельно. Здесь было отличное убежище для народов, которые сложились где-то далеко и пришли сюда, спасаясь.

Данные топонимии и антропологии говорят нам, что бассейн Мрассу и часть бассейна Томи были заселены преимущественно кетскими родами. Долины Кондомы и части Томи заселили самодийские и угорские роды.

Тюркский этногенетический процесс в VI – IX вв. н.э., начавшись в монгольской степи, распространился на всю Центральную Азию, захватил и территорию Шории. Он и вывел Шорию из состояния мозаичности и обособленности, разрозненные кетские, угорские и самодийские роды и племена превратил в единый тюркский этнос, в современный шорский этнос (сейчас шорскому народу более тысячи лет от роду).

Зачем Великой степи того времени понадобилась Шория? Разве степи интересна была наша глухая тайга? Нет, тайга наша была не нужна, а нужны были наши полиметаллические руды, сырье для металлургии и кузнечного дела. Поэтому таёжная Шория и была втянута в степной тюркский этногенетический процесс.

Именно когда Шория стала частью тюркского суперэтнуса, что произошло в VII – IX вв., появилось, очевидно, два автоэтнонима: *Аба кижси* // *Абалар* и *Тадар кижси* // *Тадарлар* (*Тадэр*).

Аба кижси // *Абалар*, потому что род кузнецов *Аба* был ведущим шорским родом. До сих пор вся Шория, скажем по-алтайски, продолжает называться *Аба тиш* (Абинская тайга) и *Аба-Тура* (оседлая Абинская земля) [Аносский сборник 1915, с. 29]. Автоэтноним *Аба* в этом качестве досуществовал до начала XVII в., потому что под Абинской (Кузнецкой) землей казаки понимали всю Шорию (и шире), а не только долину Томи с самыми низовьями Кондомы и Мрассу (место существования рода Аба). В пространстве Абинской (Кузнецкой) земли вскоре появился Кузнецкий уезд. Оним, следовательно, *Аба* был общим автоэтнонимом шорского народа. Однако тогда уже, очевидно, существовал и другой общий автоэтноним – *Тадар* // *Тадэр*.

Сегодня этот оним *Тадар кижси* // *Тадарлар* (*Тадэр*) является самоназванием шорцев, хакасов, кумандинцев, челканцев, тубаларов, телеутов¹. Мы уверены, что данный автоэтноним не пришлый, не пришедший с русскими, а свой, местный. И существовал здесь от века. В тюркском суперэтноте кроме самоназвания *тюрк*, скорее всего, существовало и самоназвание *татар* // *тадар* // *тадэр*. Оно, во всяком случае, уже существовало в начале XVII в. и показалось казакам знакомым (потому что существовало и у золотоордынских татар, придя туда из Центральной Азии), отчего и появились со временем *Кузнецкие татары*, *Абаканские татары* (а не наоборот, как принято в литературе, мол, этноним *татары* от русских) и др.

«Тадар» на Саяно-Алтае – это знак отношения этноса к Саяно-Алтайскому тюркскому суперэтноту. Конечно, данный этноним не экзоэтноним, а автоэтноним. Даже если он не существовал до прихода казаков, то все равно он свой, а не пришлый, не русский. Просто на Саяно-Алтае вспомнили, что когда-то, когда они еще входили в Тюркский суперэтнос, владевший всей Северной Азией, многие тюрки себя называли *тадар* \ *татар*. И они стали употреблять старый автоэтноним, чем подчеркивая связь с древними тюрками.

Этнонимия – это тонкая материя, тут важно, к какой этнической общности человек себя относит, кому он это говорит, это самоназвание или это название со стороны. Экзоэтноним могут быть разные,

¹ Национальный состав населения России в 2002 г. по данным Всероссийской переписи населения <http://ru.wikipedia.org/wiki>.

часто не принимаемые самим называемым народом, но автоэтнонимы могут быть только те, что сам называемый народ поддерживает (это закон этнонимии и ономастики). Автоэтнонимы нельзя навязать извне, если случаются такие попытки, они заканчиваются крахом: народ сам себя называть чужим словом долго не будет. Шорский народ терпит, когда его по-русски называют «шорцами», но на своем родном языке он сам себя так себя называть не будет, по-шорски он себя называет «тадар кижиги», в буквальном переводе – «тадарский человек». Он так себя называет потому, что слово «тадар» – это его родное слово, пришедшее из веков. Безусловно, он так себя называл когда-то, так же называет себя и сейчас.

1.3.4. Экзоэтнонимы шорского народа

Экзоэтнонимов у шорского народа было три: 1) с начала XVII в. до середины того же века – «кузнецы \ кузнецкие (ясашные) люди» (корень этнонима – «кузнецы»); 2) с середины XVII в. до 1925 г. – «кузнецкие татары» или просто и кратко – «татары» (корней два – «кузнец» и «татар»); 3) с 1925 г. по сей день – «шорцы» (корень онима – «шор»).

Начнем ономастический анализ с «шорцев».

Шорцы, Шория

Считается, что автором этнонима «шорцы» является великий тюрколог Василий Радлов. Действительно, оним (название) «шорцы» в качестве наименования всего шорского народа впервые письменно использовал В. Радлов, и это произошло в 1866 году в предисловии к первому тому великого труда – «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи». Вот это место: «Издаваемая ныне первая часть литературных образцов включает в себе подназвания Алтая: алтайцев, телеутов, черневых и лебединских татар, *шорцев* и саянцев» [Радлов 1866, с. XII].

Чуть позже в Германии (Лейпциг, 1884, 1893) на родном немецком языке он публикует книгу «Из Сибири», куда вошли собственные экспедиционные дневники и историко-этнографический очерк о тюркских народах. На русский язык отрывки из этой книги были переведены и опубликованы в 1887 [Радлов 1887] и 1929 [Радлов 1929] гг., а полностью книга вышла в России лишь в 1989 г. [Радлов 1989]. В этой книге В. В. Радлов окончательно закрепляет за шорцами этноним «шорцы», он, в частности, пишет: «Я объединил татар, жи-

вущих по Томи, Мрасе и Кондоме, общим названием “шорцы”, хотя сами они не называют себя так и не ощущают себя единым народом» [Радлов 1989, с. 210].

Для ономастики важно, откуда взялся оним. В. Радлов его не выдумал. Он лишь использовал уже имеющийся (по отношению к шорцам) экзоэтноним, бытующий у телеутов, лебединцев и черневых татар (тубаларов), то есть он использовал то, «как телеуты, так и западные соседи – лебединцы и черневые татары – называют всех их (шорцев – Г. К.) шор-кижи» [Радлов 1989, с. 210]. Таким образом, экзоэтноним от лебединцев, тубаларов и телеутов (кстати сказать, эти народы и сегодня шорцев называют «шор кижы // чор кижы»). В. Радлов предложил сделать этот экзоэтноним таковым и от русских, то есть предложил русским называть шорцев шорцами – точно так же, как это делали телеуты, лебединцы и тубалары. Слово В. Радлова в тюркологии крепко и убедительно, поэтому оним «шорцы» постепенно прижился и дошел до наших дней.

Правда, серьезным оппонентом В. Радлова в вопросе относительно этнонима «шорцы» поначалу выступил другой великий тюрколог – Василий Вербицкий. В своей рецензии на «Образцы...» В. Радлова В. Вербицкий, в частности, заметил: «Деление поднаречий алтайцев представляется нам неправильным, потому что лебединские татары и шорцы суть черневые же инородцы, и как жители Большого и Малого Алтая суть алтайцы же; притом лебединские татары не могут быть представителями языка, так как одним языком говорят с ними и кузенцы, и кондомцы, *а еще менее могут стать во главу шорцы, ибо такое предпочтение будет обидно каларцам, изушорцам, кызыльцам, кыйцам, кобийцам, каргинцам, бежбоякцам, барсоятцам и абинцам, говорящим одним языком* (выделено курсивом – Г. К.)» [Вербицкий 1893, с. 240–241]. В. Вербицкий, отвергая радловское «шорцы», предлагал своё название для шорцев: «мрасо-кондомцы, или бирюссинцы», и еще – «аладагцы», так как не хотел выделять ни один из шорских родов (чтобы не было обидно другим родам-сеокам) [Вербицкий 1893, с. 240].

Однако со временем В. Вербицкий все-таки склонился к правильности экзоэтнонима, предложенного В. Радловым. Об этом сообщают, в частности, те факты, что под редакцией В. Вербицкого в 1883 г. выходят книги, в названии которых употребляется оним «шорский»: «Священная история на *шорском* (курсив – Г. К.) наре-

чии» (перевод Библии на шорский язык, перевод осуществлен учеником В. Вербицкого – шорским священником Иоанном Штыгашевым) [Священная история 1883], а в 1885 г. – «Шорский букварь». Здесь «шорское наречие» и «Шорский словарь» явно противопоставлялись «алтайскому наречию» и «Алтайскому букварю», что соответствовало отделению (в русском языке) шорцев от общей массы алтайцев.

Правда, мнение В. Вербицкого несколько колебалось, поскольку в 1884 г. выходит его знаменитый словарь, в названии которого шорцы названы не собственно шорцами, а «аладагцами» [Вербицкий 1884]. Однако через год (в 1885 г.) его мнение снова изменилось, о чем красноречиво говорит название вышеупомянутого букваря – «Шорский букварь».

К этому следует добавить, что ученик В. Вербицкого И. Штыгашев в двух своих произведениях отмечал и даже подчеркивал, что он именно – «шорец», лишь в скобках добавляя, что еще он – «алтаец»¹. И. Штыгашев был выходцем из рода *шор*, поэтому он с удовольствием поддержал радловский, а потом и В. Вербицкого общий этноним шорского народа.

Этноним «шорец \\\ шорцы» из рук В. Радлова и пусть не сразу, но всё-таки поддержавшего его В. Вербицкого подхватили сибирские областники и примыкавшие к ним алтайские интеллигенты, среди них природный шорец Сарысет Канзычаков. Именно они в 1917 г. провозгласили Ойрот-Хакасскую республику, которая объединяла все этносы Саяно-Алтая. Когда ничего из этой затеи не вышло при большевиках, когда в 1925 – 1926 гг. для шорцев был образован национальный район с правами округа, то в название района-округа единогласно внедрился радловский (и В. Вербицкого) этноним в форме «Горно-Шорский» район (был и вариант: «Горно-Шорцевский») [Кимеев 1989, с. 21–27]. Позже был утвержден перечень народов Советского Союза, куда прочно вошли «шорцы», и стала ставиться соответствующая запись в паспорте в графе «национальность». Это уже факт безоговорочного утверждения в русском языке экзоэтнонима с корнем «шор»: шорец // шорка (шориянка) // шорцы // Шория (Горная Шория).

¹ Поступление в училище и продолжение учения шорца (алтайца) Ивана Матвеева Штыгашева. Казань, 1885; Путешествие шорца (алтайца) в Киев, Москву и ее окрестности. Казань, 1884.

Итак, оним «шорцы» – экзоэтноним. Однако в 1920–30-е гг., особенно после образования в 1925 – 1926 гг. Горно-Шорского национального района с правами округа, через школу началось внедрение этого онима в качестве самоназвания шорского народа, то есть была сделана попытка превратить экзоэтноним в автоэтноним, сделать его самоназванием шорского народа, чтобы шорцы по-шорски сами про себя стали говорить: «мен шор кижибим» («я – шорец»). Про это мне сообщили родители, когда-то учившиеся в национальной шорской школе, такому самоназванию они учили и меня. До начала 1990-х гг. я, например, спокойно говорил про себя: «мен шор кижибим».

В 1990-е гг. произошло невероятное: в шорском языке почти исчез этноним «шор», люди перестали говорить про себя, мол, «мен шор кижибим».

Будет к месту вспомнить эпизоды из кафедральной экспедиции 1991 года по Горной Шории. Будучи в районе Кабырзы, Чилису-Анзаса и обращаясь к людям по-шорски с вопросом: «Сен шор кижизин ма?» («Ты (Вы) шорец (шориянка)?»), я всегда получал следующий ответ: «Мен тадар кижибим, шорлар Александровка чанда чатчалар», что весьма трудно перевести на русский язык, будет примерно следующее: «Я – тадарин, а шоры живут в стороне Александровки» («Александровка» – название села).

Одним словом, в 1990-е годы шорский народ почти перестал сам себя называть «шор». Правда, в переписи 2002 г. часть шорцев всё-таки связали себя с экзоэтнонимом «шор»¹.

А теперь кстати будет перейти к самому первому экзоэтнониму шорского народа – «кузнецы».

Кузнецы \\\ кузнецкие люди

«Кузнецами» шорцы сами себя, конечно, называть никак не могли, так как данный этноним – слово русского языка. «Кузнецами» шорцев называли казаки (русские), прибывшие в наши края в начале XVII века. Шорцы в это время не знали русского языка и представить себе, конечно, они не могли, что означает слово «кузнецы».

Если быть буквально точным, то казаки-русские в бумагах называли шорцев чаще (как того требует письменный язык) не именно словом «кузнецы», а словосочетанием «кузнецкие люди» или иногда

¹ Национальный состав населения России в 2002 г. по данным Всероссийской переписи населения, <http://ru.wikipedia.org/wiki>

с уточнением – «кузнецкие ясашные люди» (противопоставлялось сочетанию – «кузнецкие служилые люди»).

Всё это происходило потому, что слово «кузнецы» в качестве этнонима – слово крайне неудобное, ибо обозначает людей по профессии, а не по этнической принадлежности. И чтобы избежать ненужной путаницы, этноним быстро (прежде всего, в письменной речи) приобрёл форму «кузнецкие люди». Слово «кузнецкие» в данном словосочетании создавало значение: «занимающиеся кузнечным делом», но вскоре приобрело и второе значение (ставшее со временем главным): «относящиеся к городу Кузнецку». Поэтому, чтоб отличить шорцев от казаков-жителей Кузнецка, потребовалось уточнение: «кузнецкие ясашные люди», а русских называли тогда – «кузнецкие служивые люди» (в Кузнецке тогда были только служивые люди). Но если соблюсти смысловую правду, которая выявляется из контекста исторических документов [Бутанаев 1995, с. 34–35; Миллер 1937, с. 434], то под словом «кузнецы» (и синонимичным сочетанием «кузнецкие люди») подразумевались именно шорцы как отдельный народ-этнос, следовательно, слово «кузнецы» было этнонимом, точнее, экзоэтнонимом (исходящим от русских).

Почему же казаки использовали своё русское слово для того, чтобы обозначить другой народ – шорцев? Разве не было у шорцев своего названия, которым могли бы пользоваться русские?

Много было объяснений этого факта, если их обобщить, то получается следующее: русские, мол, именовали шорцев, которые занимались кузнечным делом, кузнецами – из уважения к их редкому (если смотреть по кочевой и дикой Сибири) ремеслу, отсюда и название города *Кузнецк* [Коцюба 1983, с. 18; Яворский 1973, с. 17].

Но в этих объяснениях нет главного: объяснения, почему русские называли шорцев не «абинцами» (как в то время шорцы сами себя, как нам кажется, называли), а «кузнецами»? Ведь те же русские в то же время телеутов называли телеутами (как они в то время сами себя называли), а бурятов – братами (искаженное «бурят»). Это ведь необычно, когда вместо этнонима используется слово своего языка. Это необычно даже в том случае, если казаки сильно, мол, поразились, были крайне, мол, удивлены тем фактом, что шорцы занимаются кузнечным делом (ремеслом, требующим известных интеллектуальных усилий).

Объяснение сему факту может быть лишь одно: кто-то казакам перевёл слово (этноним) «абинцы» (точнее – «абалар») как – «кузнецы». Поэтому казаки и стали пользоваться не собственно этнонимом, не оригиналом, а его переводом. Такое объяснение вполне допустимо и возможно.

Случаи использования в сфере названий перевода вместо оригинала известны. Например, реку Куу-суғ, протекающую по ту (южную) сторону Бийской гривы, русские ныне называют переводом – река Лебедь, а челканцев, называющих себя «куу кижы», тоже называли переводом – «лебединцы». А многочисленные «Карасу», которые стали «Чёрными речками»?

Известно, что впервые о шорцах казаки услышали от еуштинцев и их князя Тояна. На земле еуштинцев по просьбе князя Тояна, как известно, казаки возвели в 1604 г. Томский острог, ставший потом городом Томском. И вскоре устремились вверх по Томи, туда, где жили кузнецы-абалар (абинцы). Именно еуштинцы могли перевести казакам оним «абалар» как «кузнецы», поскольку еуштинцы – тюркский народ. Для такого их перевода есть основания.

Слово в озвонченных и глухих огласовках «ап // апы // аб // абы» в некоторых тюркских языках на Алтае означает «духа-хозяина кузнечного дела». Об этом есть у Л. Потапова в «Алтайском шаманизме» [Потапов 1991, с. 78]. Само имя духа-хозяина было, конечно, тайной, твёрдо хранимой тёлями-семьями кузнецов, однако, поскольку наименование духа-хозяина было тюркским (точнее, саяно-алтайско-тюркским), оно корнями слов связывалось с апеллятивами (словами общей лексики) тюркских языков Саяно-Алтая. Скажем, зафиксирован близкий апеллятив в хакасском языке: «ап \\\ аптағ» – «чары, чародейство, колдовство; гипноз» [Бутанаев 1999, с. 24; Хакасско-русский словарь 2006, с. 68]. В шорском языке есть слово с корнем «ап»: «аппыак» – «волшебник, чародей; кузнец» [Чульжанов, Судочаков, Косточаков 1992].

И действительно, согласно традиционной вере на Алтае, у каждого важного дела был свой дух-хозяин. Он был у кая (исполнительства горловым пением героических сказаний), он был у камов (шаманов, шаманского дела), и он, безусловно, был у кузнецов, так как кузнечное дело считалось священным занятием. Только вот имя духа-хозяина кузнечного дела малоизвестно, оно не было общедоступным. Его имя, как мы реконструировали, было: *Ап \\\ Аб \\\ Аба*. И народно-

этимологически (по звуковому сходству) отождествлялось со словом общей лексики «аба» («отец»). Вместе с тем в языке произошел метонимический перенос: слово *Аба* стало означать не только духа-хозяина кузнечного дела, но и мастера-кузнеца, которому покровительствует дух-хозяин Аба, и племя мастеров-кузнецов.

Следовательно, этноним *Аба*, хотя он ничего общего не имеет с именем духа-хозяина *Ап* \ *Аба*, тем не менее, скоро, как мы отметили выше, на основе народной этимологии стал сближаться с именем духа-хозяина. И в результате этого народноэтимологического процесса этноним *Аба* со временем стал синонимом *Аба*, а *Абалар* («лар» – аффикс множественного числа) стал переводиться как «кузнецы», по-тюркски (по-шорски) – «(тебир) устар // узанчылар». Такое происходит часто, так как народноэтимологическое сближение – это спонтанный естественный процесс, происходящий в языке между словами общей лексики (апеллятивами) и названиями (онимами). Так вот, далёкие (пространственно) от шорцев еуштинцы и стали понимать два этих слова как полные синонимы: «абалар» = «устар \ узанчылар», тем более здесь был мотив, ведь абалар (абинцы) издревле действительно занимались кузнечным делом.

Вот такой мотивировкой обозначился переход в русском языке (при посредстве еуштинцев) этнонима (внутреннего и внешнего) «абалар» во внешний этноним «кузнецы» \ «кузнецкие люди».

Русскоязычный экзоэтноним «кузнецы» прижился, со временем стал так популярен в нашем регионе, что породил целый ряд других онимов: «кузнецы» ⇒ «Кузнецкая Земля \ Земля Кузнецкая» (земля «кузнецов», место проживания «кузнецов»). Первоначально слово «кузнецы» метонимически даже переносилось и на землю «кузнецов»: вспомните Указ царя: «построить острог в Кузнецках») ⇒ «Кузнецкий острог» (острог на земле «кузнецов») ⇒ «Кузнецк» (город на земле «кузнецов»). Позднее, когда был построен город Кузнецк и особенно когда он стал уездным городом, произошла перемотировка онимов: «Земля Кузнецкая» стало означать: «земля Кузнецкого уезда», «Кузнецкие волости» – «волости, приписанные к Кузнецку, к уезду» и т. п.

Кузнецкие татары

И примерно во второй половине XVII века внешний этноним «кузнецы» \ «кузнецкие люди» приобрёл внешне этнонимический

вид: «кузнецкие татары», потому что слово «татары» – это, конечно, безусловный этноним.

Принято считать, что «татары» в словосочетании «кузнецкие татары» появились от русских. Сложилась определённая традиция ответа на этот вопрос: этот этноним принесли с собой в Сибирь русские. Вот и историк-этнограф В. Бутанаев повторяет этот старый миф, истинность которого под большим сомнением: «В царской России хакасы, как и ряд других тюркских народов, именовались татарами. Даже в научной литературе хакасов называли минусинскими, ачинскими, абаканскими татарами. Двухвековое управление русской администрации содействовало закреплению слова “татар” (в форме “тадар”) в сознании народа» [Бутанаев 1995, с. 5].

Но так ли это на самом деле?

При этом В. Я. Бутанаев забывает, что внедрение типически такого же искусственного этнонима «хакас» на его глазах потерпело фиаско в хакасском языке, а сей факт говорит о том, что в этнонимии народ не терпит никакого диктата со стороны. Уточню, народ не терпит диктата в области именно самоназвания, а не названия со стороны. Скажем, шорцы спокойно относятся к тому, что их по-русски называют шорцами, но не хотят называть себя шорцами по-шорски (то есть говорить про себя – «мен шор кижибим»). То же можно сказать и о хакасах, опираясь на мнение В. Бутанаева: они по-русски называют себя хакасами, а по-хакасски называть себя хакасами категорически не хотят. 70 лет терпели диктат в самоназвании, а потом перестали терпеть.

Если оним «тадар» пришел от русских, то есть извне, со стороны, то значит он такой же искусственный экзоэтноним, как и экзоэтнонимы «шорец» и «хакас». Тогда почему же народ добровольно берёт себе чужой этноним в качестве своего самоназвания?

Либо народы Саяно-Алтая поступают странно и вопреки здравому смыслу присвоили себе чужой (взятый от русских) оним «тадар» в качестве самоназвания, либо оним «тадар» не пришёл от русских, а издревле существовал на Саяно-Алтае. Я склоняюсь ко второму «или». Мне кажется верной мысль, что к ониму «кузнецкий» русские стали прибавлять «татарин» потому, что именно сами шорцы называли себя «тадар». Ведь этноним «татары» и в русском языке появился не случайно, он шёл от самоназвания-автоэтнонима жителей Золотой Орды. Так себя называли многие жители Золотой Орды, поэтому рус-

ские взяли автоэтноним золотоордынцев и превратили его в экзоэтноним, то есть стали их называть «татары».

То есть оним «татары» появился от самоназвания, так себя называли многие тюрки Монгольской империи. В то время (во время Монгольской империи) такое же самоназвание могло быть и у тюрков Саяно-Алтая, в том числе у шорцев. При этом оним местами «татары» сменил бывший прежде автоэтноним «тюрки». Подчёркиваю, речь идет об общем этнониме, то есть о причастности к большому (тюркскому) этносу (в терминах Л. Н. Гумилева – «суперэтносу»), и вместе с тем тюрки не забывали более частные этнические образования – род-сеок, племя-чон, калык. Рода и племена тоже имели названия и существовали в виде эндоэтнонимов и экзоэтнонимов. То есть существует общая этнонимия (экзо-эндоэтнонимия) и частная этнонимия (эндо-экзоэтнонимия).

Как народы Саяно-Алтая называют шорцев

Экзоэтнонимы по отношению к шорцам есть не только от русских, но и от других народов: 1) от телеутов, кумандинцев, тубаларов – «чор кизи» (корень онима – «чор»); 2) от алтайцев – «аба кизи» (корень онима – «аба»); 3) от хакасов – «чыстан кизи \\\ чыстанак \\\ чыс кизи» (корень онима – «чыс»).

Кстати сказать, есть экзоэтнонимы и от шорцев по отношению к соседним народам, они следующие: телеуты – «пачат кизи», алтайцы – «теленеттар» \\\ «алтай кизи», хакасы – «сағай кизи», кумандинцы – «куванды кизи», челканцы – «шалканы кизи», тубалары – «туба кизи».

Следует заметить, что экзоэтнонимы часто совпадают с названиями крупнейших родов-сеоков вышеназываемых саяно-алтайских этносов. Исключение составляют оттопонимные экзоэтнонимы «алтай кизи», «чыс кизи», образованный от названия ландшафта (горно-таёжного).

Таким образом, у шорского народа выявлено три экзоэтнонима, один из которых – «(кузнецкий) татарин» – имеет прямое отношение к автоэтнониму шорцев: шорцы и сегодня называют себя «тадар кизи». А вообще автоэтнонимов было, вероятно, два: выше упомянутый «тадар кизи» («тадарлар») и уже забытый «аба кизи» («абалар»). Это исключая географические и родовые автоэтнонимы, которые являются частными этнонимами, а не общими, и не могут служить названиями всего народа.

1.4. Шорская топонимия

1.4.1. Кетский компонент в топонимии

За последние 150 лет от Василия Радлова и Василия Вербицкого до наших дней проведена довольно серьезная исследовательская работа, в результате которой мы уже в какой-то степени можем ответить на ключевой вопрос, поставленный когда-то в названии известной книги Валерия Кимеева – «Шорцы. Кто они?» [Кимеев 1989].

Мы можем в шорском этносе, в частности, выделить кетский компонент. В. Кимеев, обобщая результаты многолетнего поиска разными исследователями кетского компонента, к таковым относит: 1) топонимику в бассейне Мрассу и Томи; 2) некоторые приемы охоты и охотничье снаряжение; 3) широкое распространение кузнечного дела; 4) формы бубнов; 5) обычай захоронения детей на деревьях и пнях; 6) элементы культа медведя; 7) почитание березы; 8) ряд лексических особенностей шорского языка [Кимеев 1989, с. 38]. Кроме собственно шорской культуры, кетский компонент есть и в антропологии шорцев [Кимеев 1989, с. 30–31].

Да, кетский компонент в шорском этносе и Шории выявлен, но мы до сих пор не можем сказать твёрдо, где (в районах каких рек) к приходу прашорцев-тюрков действительно проживали прашорцы-кеты, именно кеты? И второе, пожалуй, самое главное: как (на кетском языке) называлось то кетское племя, которое волей судьбы оказалось в пределах нынешней территории шорского этноса и стало одним из родителей шорцев? Оно было одно или племен было несколько?

На эти вопросы можно ответить, если умело основываться на данных ономастики, конкретно – гидронимии (названий рек) и этнонимии (названий родов). Благо для этого есть возможности и основания: кетский язык (языки), на котором говорили когда-то прашорцы-кеты, смог дожить до наших дней. Остатки некогда многочисленных кетов Саяно-Алтая сохранились в низовьях Енисея и могут нам сегодня озвучить тот язык, на котором когда-то были названы многие наши реки, например, *Мрассу*, *Пызас*, *Кобырза*, *Анзас*, *Амзас*, *Базас*, *Майзас*, *Кийзас*, *Кийзак* и т. п.

И столь ценный кетский язык (два диалекта и множество говоров всего на 1513 человек кетов: в Интернете в Википедии есть результаты переписи 2002 г., согласно им кетов, назвавших себя *денг*, *кет*,

остяками с языком кетским, 1494 чел., назвавших себя *юги* (*юген*), 19 человек, – всего 1513 человек) описан и изучен усилиями профессора Андрея Дульзона и его школы (осн. работа: [Дульзон 1968]). Плюс к тому Андрей Дульзон сам частью исследовал гидронимику Шории, а результатами своей работы подтвердил старинную мысль Василия Радлова о том, что «шорцы – потомки енисейско-остяцких племен» [Радлов 1994, с. 42]. Описанный и изученный кетский язык поможет нам и исследованию шорской этнонимии.

Границы территории расселения кетов в Шории подсказаны данными гидронимии. Есть закон в ономастике, согласно которому аборигенная гидронимия сохраняется лишь в том случае, если аборигены на берегах реки остаются и составляют какую-то часть населения наряду с пришельцами, при этом не обязательно большинство или даже половину населения.

Бассейн Мрассу весь изобилует гидронимами кетского происхождения. Сам оним *Мрассу* (*Мырас* // *Пырас*) – кетский по языку. И главные его притоки тоже когда-то были названы кетами: *Пызас*, *Кабырза* (*Кобурсуг*), *Большая и Малая Суета*, *Умзас*. Исключение составляет лишь название крупного притока *Ортон*, да небольших притоков *Сыбыргы*, *Заслонка*, *Хомутовка*, *Парлагол* и т. п.

Из всего этого мы делаем вывод, что бассейн Мрассу – это основная кетская территория на территории Шории. Основная и в том смысле, что на Мрассу издревле проживали одни кеты, и в том, что и в древнетюркский период они там представляли большинство, иначе бы не сохранились в таком множестве их гидронимы во всем бассейне Мрассу.

На Кондоме кетским можно считать лишь два «клинышка»: в долинах Мундыбаша, где притоками являются реки *Амзас* (*Анзас*), *Анзас*, *Азас*, и два *Каза* (один кондомский, другой мундыбашский), *Таз*, а также в верховьях реки, где притоками являются *Базас*, *Сайзак*, *Тузас* и др. Вывод: Кондома – не кетская территория, там они проживали лишь местами: немного в долине Мундыбаша и немного в верховьях. Но эти кетские анклавные территории существовали, вероятно, с древних времен, потому что не замечены там дуплетные онимы.

На Томи (верховье до Новокузнецка) – кетские по происхождению почти все правые притоки (*Кунзас*, *Амзас*, *Бельсу*, *Назас*, *Уса*, *Тутуяс*), левые притоки тоже почти все до устья Мрассу (*Изас*, *Назас*, *Калтас*, *Майзас*, *Кийзак*, *Мрассу*). Исключение составляют –

Шора, Теба, Казыр, Лужба. Из чего мы делаем вывод: верхняя Томь – еще одна основная кетская территория в Шории. Но верхняя Томь оказалась (в отличие от Мрассу) уязвима и с западной стороны (Абинская лесостепь) и с восточной стороны (Сагайская степь, куда по Томи издревле шёл пеше-конный путь). Поэтому на Томи с древнейших времен кеты жили вместе с племенами иного происхождения, в связи с чем существовали дуплетные онимы (гидронимы и ойконимы). Чего стоит один дуплетный гидроним *Мрассу // Том(а)зак // Мыскы (Мыска)* (это разные по происхождению названия одной и той же реки – Мрассу [Косточаков 1999, с. 149–154]), отметим также ойконимы: *Сыркаш // Орбунг, Чульжан // Ореги-аал, Шанагол // Улус, Чубашкы // Устюнгу-аал, Сыбыргы // Алтынгы-аал* и т. д.

Итак, судя по топонимике, кетскими получаются весь бассейн Мрассу и почти всё верховье Томи. Следовательно, это и есть исконно кетская территория, место, где испокон веков проживали прашорцы-кеты – Мрассу и Томь.

Ниже Новокузнецка Томь тоже изобилует кетскими гидронимами (три *Терси, Азас, Амзас* и др.), там тоже частично территория Шории, потому что там были шорские охотничьи угодья (по Усе и в верховьях Нижней и Средней Терси).

Данные же этнонимии говорят с такой поправкой, что исконно кетские родо-племенные названия могли сохраниться только на Мрассу, а на Томи они были с неизбежностью «размыты» миграциями иных племен древнетюркского времени. Поэтому родо-племенное название кетских предков шорского народа (кетские этнонимы) мы можем отыскать только на Мрассу.

Как называлось племя прашорцев-кетов?

В долину верхней Томи до современных Мысков тюркюты-теле продвинуться могли – в долине привычный для них лесостепной ландшафт. Они могли проникнуть и в лесостепные низовья Кондомы. Но в горнотаежные долины Мрассу, Кондомы и на Томь выше современных Мысков, особенно выше Мрасских порогов, им было проникнуть затруднительно. И тем не менее они там были, иначе жители горной тайги не смогли бы стать тюрками по языку и культуре.

Тот факт, что тюркский (шорский) язык неоднороден, говорит в пользу того, что в горную тайгу Шории проникали с разных сторон и разные группы тюрков. На Кондому, скажем, проникали тюркюты-теле, принесся сюда так называемый кондомский диалект шорского

языка, на Мрассу проникали кыргызы, принеся сюда тюркский язык кыргызского типа, ныне называемый мрасским диалектом шорского языка.

В долины средней и верхней Кондомы тюркюты-теле безусловно проникали как со стороны низовьев этой реки, так и через «Спасский коридор» (проход на Алтайскую степь через Спасск), но их было не так много и это было не так быстро.

На Мрассу проникали, безусловно, кыргызы Абакана и Йюса из-за восточной стороны Абаканского хребта.

Как известно, через Спасский коридор проходил «улуг чол» – древнейший путь из Алтайской степи в Сагайскую и Йюсскую степи. От района Спасска далее на восток он шел через небольшой перевал Шорского хребта, долину реки Кичи, через Мрассу района Усть-Пызаса и Усть-Кобырзы, долину реки Кобырзы, а далее через Абаканский хребет с выходом на долины Таштыпа или Матура. Ныне по части этого пути проложена дорога из Таштагола до Кобырзы.

По этому пути в 1861 г. прошел Василий Радлов: от Кобырзы на Алтайскую степь через Спасск и территорию нынешнего Таштагола [Радлов 1994, с. 32–43]. В 70-е гг. того же века по этому же пути прошел Иван Штыгашев, он шел от Матура до территории нынешнего Таштагола [Штыгашев 1885, с. 7–24].

Такой же древнейший путь из Сагаев на Алтай (на Центральный Алтай) пролегал и по долине Томи (ныне примерно по этому пути пролегает железная дорога Новокузнецк – Абакан). По этим путям шорцы в голодные годы отправлялись спасаться ближе к степям.

Наличие таких путей говорит в пользу того, что проникновение в горную тайгу было возможным как со стороны Алтайской степи, так и со стороны Сагайской и Йюсской степей.

Во всяком случае проникновение тюркютов-теле и кыргызов скорее всего было, но массовым его назвать нельзя. Для ономастики это значит одно: в горной тайге должна была сохраниться дотюркская этнонимия (конечно, наряду с приходом собственно тюркской этнонимии). При этом дотюркская этнонимия не могла не исказиться фонетически (лингвистически адаптироваться) новым тюркским языком (двумя вариантами тюркского языка: тюркютско-телеским и кыргызским).

Наиболее реально, что кетская этнонимия, как мы отметили выше, сохранилась только на Мрассу.

Выделим два момента в этнонимических процессах на Мрассу: 1) дотюркская этнонимия могла сохраниться в названиях шорских родов; 2) сохранившиеся дотюркские этнонимы фонетически исказились (то есть адаптировались новым тюркским языком).

Нас интересует не вся дотюркская этнонимия в Шории, а лишь кетская (этнонимия кетского происхождения).

Проведенное нами исследование позволяет утверждать, что все шорские этнонимы на Мрассу – кетские по происхождению. Речь идет об этнонимах: *Кобый*, *Кызай*, *Кый*, *Кечин*, *Карга*. В среднем течении: *Карга*, *Кызай*, *Кобый*, в верхнем течении – *Кый* и *Кечин*.

Все они восходят к одному древнему кетскому этнониму, существовавшему, правда, в нескольких фонетических вариантах, – *Кыйо* // *Койо* // *Коб* (*Кыб*). То есть источником пяти мрасских этнонимов является один кетский этноним, звучащий в нескольких вариантах.

В этом нет ничего особенного, вспомните тюркский по происхождению шорский этноним, который тоже звучал вариативно то как *Челей*, то как *Йелей*, то как *Телей*. В пределах, скажем, шорского этноса это не разные этнонимы, а лишь фонетические варианты одного и того же этнонима, ныне известного как *Челей* [Косточаков 1998, с. 42–47]. Примерно так же было и у кетов: у них один и тот же этноним звучал то как *Кыйо*, то как *Койо*, то как *Коб* / *Кыб*.

Почти полно сохранил древнее звучание шорский этноним *Кый*, потеряв лишь конечный звук [о], и изменив структуру звука [к]. Так же полно сохранил древнее звучание шорский этноним *Кобый*, который к корню -*коб*- добавил лишь аффикс -ый- – старый звательный аффикс.

Искаженно сохранили древнее звучание *Кызай* и *Кечин*.

Кызай получился из *Кыйо*, видоизменившегося в *Кыйай*. По закону тюркского языка [о] (звук лабиальный) не может соседствовать с [ы] (звуком непереднего ряда), поэтому изменение [о] в [а] (в звук непереднего ряда) – процесс закономерный, то есть *Кыйо* стал *Кыйа*, и добавился к нему аффикс старого звательного падежа – здесь -й- – в качестве ономастического термина (сообщающего, что речь идет не о слове общей лексики, а об ониме, названии). К этому добавился еще закон чередования в инлауте (середине онима) звуков [й] и звуков [з] (й // з). Закон такого чередования действует в тюркских языках кыпчакского типа ([й]) и языках уйгуро-огузского типа ([з]), вспомните: *койан* // *козан* (заяц). Закону такого чередования было подвержено

любое слов, в том числе оним. Мрасский диалект района Мрассу – диалект уйгуро-огузского типа. В результате фонетических метаморфоз *Кыйо* превратился в *Кызай*.

Кечин – это искаженная огласовка, правильнее было бы *Кичин*. Этот малочисленный род, по Л. Потапову, сформировался в долинах р. Кичи (*Кычы* // *Кыджы*) близ его родовой горы Тенгри-тау [Потапов 1936, с. 134]. Выделим здесь, что оним звучал как *Кычы* // *Кыджы* // *Кичи* // *Кичин* // *Кечин*. Эти звучания – результат фонетических изменений внутри тюркского (шорского) языка, мотивированных следующими факторами:

1. Попытка этимологизировать незнакомое слово, которое звучит знакомо, похоже на слова родного языка (процесс называется народной этимологией): речь идет о форме «кичи», которое похоже на тюркское слов «кичиг»= «маленький, младший».

2. Добавка -н- – ономастического аффикса, сообщающего, что речь идет не о слове общей лексики, а об ониме, названии.

3. Чередование в середине названия [ч] и [й]. Это редкое чередование, существующее в огузском ([й]) и кыпчакском ([ч]) типах тюркского языка, ср. *Кучук* // *Куйук*. Иначе говоря, *Кечин* (*Кичин*, *Кычы*, *Киджи*) – это тюркское (кыпчакское) искажение кетского этнонима *Кыйо*. Кыпчаки-тюрки проникали в верховья Мрассу, о чем говорит существование там тюркского-кыпчакского этнонима *Узют* (часть этнонима *Узют-Шор*) [Косточаков 1998, с. 55–60].

Карга – это изначально сложный этноним, исторически он состоял из части *Кара* и части *Койо*, вместе – Кар(а)койо= Каргай=Карга. Здесь происходили следующие фонетические процессы: 1) «кара» в слове с многими гласными стянулся до «кар»; 2) [к] в интервокальной позиции в середине онима, как это положено в шорском языке, озвончился до [г]; 3) [о] по законам гармонии превратился в [а], а конечный [о] сократился вовсе; в целом получилось: *Каргай*; 4) теперь полученное слово «Каргай» по закону народной этимологии превратился в близкое по звучанию слово «Карга» (потеряв конечный [й]), в результате чего возникла ложная этимология, что, мол, название рода «Карга» от слова со значением «ворона».

Карга – это соединение самодийского по происхождению онима *Кара* с кетским по происхождению онимом *Кыйо* \ *Койо*, а соединение происходило в долине Мрассу (куда пришли кондомские *Кара*), где и ныне проживают потомки этого рода.

Итак, названия шорских родов *Кый*, *Кызай*, *Кечин*, *Кобый* и *Карга* восходят к названию одного кетского племени *Кыйо-Койо-Коб-Кыб*. Что это было за кетское племя?

Данные топонимики говорят, что по Мрассу и Томи жили так называемые енисейские кеты, или енисейские остяки, говорившие на «е» диалекте – кеты экающей группы, чьей характерной особенностью был гидронимический термин «сес» (ставший потом – *зас* // *зес*) (у икающих кетов термин «сис»; у аринов – «сат», у ассанов и коттов – «шет», у пумпоколов – «тат») [Дульзон 1963, с. 40]. Следовательно, на Мрассу проживали енисейские кеты-енисейские остяки, кеты экающей группы. Вот они кто были прашорцы-кеты.

Исследования Андрея Дульзона и его учеников раскрыли нам значение названия этого племени: слово «кыйо // койо // коб // кыб» означает – «медведь». В современном кетском языке, в его имбатском диалекте, наличествуют формы: «кой» – по реке Курейка, «койо / койе» – по реке Сургутиха [Дульзон 1968, с. 46], в XVIII веке зафиксированы формы у кетов Имбата (имбатский диалект) – «хоайа», у енисейских остяков – «кыйа, койа // хыйа, хойа» [Дульзон 1961, с. 172]. Обращаем внимание, что у енисейских остяков (кетов) – «кыйа // койа».

В сымском диалекте современного кетского диалекта медведь – «кып» (вместо «кый»). Налицо чередование в ауслауте (конце слова) звуков [й] // [п], внутрикетское чередование, свойственное даже внутри одного говора кетского языка – курейского [Дульзон 1968, с. 34, 46, 57, 74].

Итак, кетское племя Медведя. Медведь, конечно же, – тотем рода.

Становится понятным, почему именно на Мрассу были популярны легенды о женитьбе медведя на женщине – это остатки старинных кетских тотемических мифов, переосмысленные новым языком (тюркским-шорским) и новым временем [Дыренкова 1940, с. 277–281, 406–408]. С тотемическими поверьями связаны и медвежий праздник, и обряд «просьбы прощения» у убитого медведя [Дыренкова 1940, с. 341–342, 440].

Становится понятным и то, почему мрасцы в XVIII веке соединились с бирюсинцами, отчего некоторые ученые и мрасцев стали называть бирюсинцами. Общим между ними было и единство происхождения – от кетов (енисейских кетов экающей группы), и, самое

главное, бирюсинцы составляли то же кетское племя Медведя. Последнее приходит на ум потому, что бирюсинцы, переселившиеся с реки Бирюса, в начале XIX в. составили Кийский административный род Минусинского округа. И еще один момент: шорский *Кызай* отождествляется с сагайским (хакасским) *Кызыл-гая*. Между ним нет тождества, но есть близость, оно в том, что оба этнонима – фонетические изменения исходного онима *Кыйо* // *Койо*: Кыйы+л=Кызыл=л и Кайа=Кызыл-гая (двойное изменение одного этнонима), закон народной этимологии заставил к *Кыйы*, превратившегося в *Кызы*, добавить [л] (появилось значение «красный»), *Кайа* по тому же закону понять как «скала, гора». В результате народной этимологии появилась искусственная легенда о «красной скале», хотя ларчик открывался просто: соединялись родственники (мрасцы и бирюсинцы), потерявшие свой родной язык, имевшие искаженные (тюркским языком) названия своих родов, но помнившие свое родство и тянувшиеся друг к другу. Соединялись они в пределах исконной своей территории – таежной зоны Мрассу и Абакана.

Хотелось бы отметить и моменты соединения гидронимии и этнонимии. По всей видимости, у кетов племени Медведя существовали законы называния своих рек.

Вот один из законов: река, на берегах которой проживает глава племени, назывались по имени всего племени. Глав кетского племени Медведя (из-за протяженности территории племени и особенностей ландшафта) было несколько. Можно с большой мерой уверенности сказать, что глава племени был у «медведей» нижней Мрассу, и свой глава был у «медведей» верхней Мрассу. Глава нижнемрасских «медведей» проживал на берегах реки *Кыйзак* (русское искажение – *Кийзак*). Это территория нынешнего города Мыски, речка Кыйзак, протекающая через город. Глава верхнемрасских «медведей» проживал на берегах реки *Кыйзас* (русское искажение – *Кийзас*), на одном из притоков верхней Мрассу. Ныне там никто не живет, однако еще в XIX в. там располагалась ставка шорского рода *Кый*. Особыми полномочиями (в силу языковых причин, еще каких-то), видимо, обладал еще один глава племени, который руководил частью племени, что обозначается этнонимом *Коб* // *Кыб*. Этот особый глава проживал на своей реке племени Медведя, которая по-кетски звучала *Коб-ур* (река «медведей»). Это нынешний поселок *Кабырза*.

Итак, можно уверенно утверждать, что у «медведей» было несколько вождей, которые проживали в низовьях Мрассу (район нынешних Мысков) и верховье Мрассу – нынешняя Кабырза и Кыйзас, где ныне никто не живет.

Но «медведи» жили не только в Кыйзасах-Кыйзаках-Кобурах. Были еще места поселений, который по законам кетского имянаречения обозначались как «мать-река // материнская река // родная река» (мать, родина – «ам»). Речь идет о реках, которые мы сегодня знаем как *Анзасы* и *Амзасы* (разнозвучания возникли из-за неустойчивости в шорском языке звуков [н] и [м] внутри и в конце слов). И сегодня на реках с названиями Анзас или Амзас находятся своего рода центры таежной жизни. Это *Усть-Анзас*, *Чилису-Анзас*, *Амзас* на Мундыбаше (нынешний Алгаин). Недавно затихли и опустели *Амзас* на Томи (возле станции Лужба), *Амзас* на Большой Суете, *Анзас* на Кобырзе.

И еще те же «медведи» особо обозначали реки, протекающие по их кедровникам (кедр – «пай»). Такие реки ныне имеют названия (искаженное звучание): *Базас*, *Пызас*, *Мрас*, *Майзас*.

Исследования в области ономастики (топонимики и этнонимики) позволяют нас прийти к выводу, что весь бассейн Мрассу и верховье Томи – это территория, на которой до образования шорского народа проживали «родители» шорского народа – енисейские кеты. Если долина Томи стала своего рода коридором, по которому прошли и проходили, кроме кетов, и другие народы-этноты, то бассейн Мрассу (выше верховьев и без района Кабырзы) представлял собой относительно замкнутое пространство, где проживали одни кеты. Из-за относительной изолированности на Мрассу сохранилась одна кетская гидронимия. И жило там относительно целостное кетское племя Медведя. Однако туда проникли тюрки, и это разрушилось устойчивый прежде мир. Некогда бывшее единым кетское племя Медведя в процессе шорского этногенеза (образования шорского народа) потеряло целостность и разбилось на несколько шорских родов-сеоков. Но по логике этнонимики названия вновь образованных родов происходили из старых названий (в нашем случае – много названий из одного старого названия), лишь немного адаптированные новым языком и культурой, новой этнической общностью (то, что *Кый*, *Кызай*, *Кечин*, *Кобый* и *Карга* восходят к кетскому *Кыйо/Койо/ Коб/Кыб*). Кетское название племени переводилось как племя Медведя и было названием тотема племени.

Посредством анализа новой тюркской (шорской) этнонимии с привлечением сведений о кетском языке, который сохранился до наших дней на Енисее, мы реконструировали древний кетский этноним. Реконструировали и законы номинации (имянаречения) некоторых гидронимов (названия *Кыйзак/Кыйзас/Амзас/Анзас*, а также *Базас/Пызас/Пырас/Майзас*).

1.4.2. Река Мрассу. Опыт ономастического анализа

1.4.2.1. Характеристика реки

Река Мрассу – одна из крупнейших и красивейших рек Шории, левый приток Томи. Длина реки 338 км. Площадь водосбора 8840 км². Крупные притоки: Пызас (длина 88 км), Кобырза (74 км), Ортон (76 км), Большой Унзас (105 км). Всего чуть более 30 притоков. Всё своё пространство река протекает по горнотаёжной местности.

Принято, что река начинается от слияния двух своих истоков: Акмрас (левый исток, начинающийся со склонов хребта Поскай, который связует хребет Бийская грива с Абаканским хребтом) и Сумрас (правый исток, начинающийся со склонов Абаканского хребта).

Протекает река через нагорье, образовавшееся между Шорским и Абаканским хребтами, в среднем своём течении река вплотную прижимается к Шорскому хребту (с хребтом Каратаг) и вскоре вообще пересекает вышеназванный хребет, образовав в месте пересечения (пробивания себе дороги через хребет) известные Мрасские пороги (по-шорски Убу, по-русски Хомутовские пороги), протянувшиеся более 6 км.

Долины реки представляют собой относительно замкнутое, отделённое от остального мира пространство, то есть долина Мрассу замкнута и издревле малодоступна, какой-то отдельный мир.

Река закрыта со всех четырех сторон: с запада она закрыта Шорским хребтом (средняя высота – 800 – 900 м, высшая точка – г. Мустаг, 1570 м), с востока – Абаканским хребтом (средняя высота – 1 км, высшая точка – г. Большая Куль-Тайга, 1886 м), с юга – Бийской гривой (средняя высота – 900 м, высшая точка – г. Кобез, 1555 м), с севера – порогами Убу и тем же Шорским хребтом (близ порогов точка хребта – г. Огудун, 1320 м).

К этому следует добавить, что ландшафт вокруг реки – горнотаёжный, который сам по себе является труднопроходимым, малодоступным, полей и лугов ничтожно мало, лишь отдельные вершины

окрестных гор представляют собой гольцы, иногда встречаются красивейшие альпийские луга.

Но устье у реки – доступно. В этом месте река выходит в широкую томскую долину, откуда собственно и начинается Томская лесостепь, в литературе называемая Кузнецкой котловиной или Кузнецкой лесостепью.

У истоков реки расположен пос. Мрассу, в среднем течении – пос. *Усть-Кобырза (Кабырза)*, *Усть-Азас (Шор-Тайга)*, *Чазы-Бук*, *Усть-Анзас*, в нижнем течении – *Тоз*, *Чувашка*, *Казасс*, *Усть-Мрасс*, в устье реки расположен город *Мыски // Том(а)зак*. *Мыски // Том(а)зак* испокон века был улусом, то есть объединённой группой селений-аалов (селения *Прас-Пельтири (Усть-Мрасс)*, *Кызыл Чар (Красный Яр)*, *Тетенза*, *Ак-Коль*, *Паратаг (Бородино)*, *Нижний Рюм*, *Карчыт*, *Казасс*, *Кёльдегал (Курья)*, *Чобаšky (Чувашка)* и др.). Но, правда, в 1734 г. Г. Миллер обозначил в устье Мрассу не *Мыски // Том(а)зак*, а *Богоракову волость* [Миллер 2003, с. 76]. Но это ничего не меняет, *Мыски // Том(а)зак* и тогда уже, видимо, были, поскольку *Богоракова* – это этноним (название рода-сеока), а не топоним (в нашем случае – не название улуса).

Река отличается малым (даже для горнотаёжной местности) количеством населённых пунктов, малолюдностью (исключение составляет, как мы видим выше, лишь район устья реки).

В устье реки, как мы отметили выше, располагается древнейшая шорская группа поселений, по-шорски называемая двойко: *Мыски // Том(а)зак*. Пограничный лесостепной ландшафт немного поднимается по реке – до селения *Чувашка*, далее переходит в привычный горнотаёжный ландшафт, правда, ещё некоторое пространство – до селения *Тоз (Верхний Тоз)* – образуя смешанную или переходную зону. От Верхнего Тоза, Березовой гривы (бывшего рядом поселения) и Ташелги (бывшее селение возле самых порогов) река становится малодоступной как для лодочного хода – пороги, так и для хода пешего – лесистое ущелье.

Иначе говоря, низовье реки от группы селений *Мыски-Томазак* и примерно до *Ташелги* образовывало более-менее доступное низовье реки *Мрассу*, а вся река выше этого участка (фактически – за *Шорским хребтом*) река представляла собой (и, можно сказать, представляет собой и ныне) некий замкнутый и малодоступный мир (своего рода запорожскую *Мрассу*).

Если идти по реке вверх, то замкнутый и малодоступный мир Мрассу продлевался до селения Кабырза. От Усть-Анзаса до Кабарзы всего три места, где возможно поставить поселение (там они и стоят: Чазы-Бук, Усть-Азас (Шор-Тайга) и Сага. Последнее селение, правда, вынуждено было уйти на склоны горы от разрушительного наводнения в начале XX века, но там не прижилось и опустело).

В том месте, где находится селение *Усть-Кабырза* (по-русски сейчас произносят упрощенно – *Кабырза*, по-шорски *Кобур-суг пел-тири*), река относительно открыта, так как здесь издревле проходил путь из Сагайской степи в степь Алтайскую (от современной Республики Хакасия в современные Алтайский край и Республику Алтай).

Примерно по этому древнему пути – к западу от Кабырзы – проложена современная дорога Кабырза – Таштагол. К востоку от Кабырзы древнейший путь шел вверх по реке Кабырза до истоков (и по притоку – р. Кыйгыза), выходил на перевал на Абаканском хребте и спускался (вариативно) по реке Матур (попадали в селение Матур и далее в степь), или по р. Таштып (попадали в селения Верх-Таштып, Анчуль, Тлачак и далее в степь), или по р. Балыксу (попадали в селения Балыксу, Аскиз (Оксыс) и далее в степь). Балыксинский вариант пути смыкал Кабырзинскую древнюю дорогу с другой, Томской древней дорогой (где ныне прошла железная дорога Новокузнецк – Абакан), связывавшей Кузнецкую котловину с Сагайской степью.

По Кабырзинскому пути (несколькими потоками) в 1703 г. джунгары переселяли в свою степь (ныне это Казахстанская степь) енисейских кыргызов (см. донесение 1703 г. Кузнецкого воеводы Б. Синявина царю Петру 1 об угоне кыргызов: [Бутанаев, Абдылкалыков 1995, с. 206]). По этому же пути (ездили обычно зимой) проехал и И. Штыгашев в 1874 г., направляясь для учебы из своего родного селения Матур в селение Кузедеево, где была единственная в то время в округе церковно-приходская школа и учитель-священник-миссионер о. Василий Вербицкий [Поступление в училище 1885].

Примерно по нынешней трассе Кабырза – Таштагол с остановками в Кичах, Усть-Шалыме (ныне – район г. Таштагола) и Спаске в 1860 году прошёл экспедиционный маршрут В. Радлова, великого тюрколога [Радлов 1989, с. 198–210].

Итак, в районе селения Кабырза замкнутая Мрассу немного замыкается, из-за чего селение Кабырзу следует назвать самым откры-

тым селением на верхней Мрассу. Потому что выше данного селения Мрассу снова замыкается, теряясь среди лесистых ущелий Абаканского хребта и Бийской гривы. Лишь от селений Бугзас и Эльбеза существуют древние тропы на ту сторону Абаканского хребта на Матур.

Итак, долина реки Мрассу издревле делилась на три части: нижнее течение от устья до Мрасских порогов Убу, среднее течение от Мрасских порогов до Усть-Кобырзы и верхнее течение от Усть-Кобырзы до истоков. Только нижнее течение было более-менее доступно, а среднее и верхнее течение реки оказывались самозамкнуты и малодоступны.

В целом река Мрассу представляла (и представляет до сих пор) собой относительно отдельный и особенный мир во всей Шории. Особенность реки и мрасцев проявилась в языке (мрасский диалект шорского языка), этнической истории, антропологии, ономастике (названия мрасских родов-сеоков, названия рек, типы лица мрасцев, когда мрасского шорца можно выделить среди остальных шорцев) и др.

1.4.2.2. Название реки в русском языке

Всякое название, прежде всего, это слово какого-то конкретного языка, и, следовательно, существует в пространстве этого языка. Название реки, существующее в русском языке, – *Мрассу*. Это название (слово) заимствовано русским языком из шорского языка, и это заимствование произошло ещё в XVII веке. Только что заимствованное название реки есть на известной карте С. Ремезова земель города Кузнецка (вторая половина XVII века)¹.

Но форма названия (слова) не всегда была нынешней, не всегда была *Мрассу*. На карте С. Ремезова река обозначена иначе – как «Мраса». В XVIII веке у Г. Миллера это название склоняется, как уже освоенное русским языком слово: «по реке Мрасе», «впадающей в Мрасу с востока», «выше устья Мрасы», «за Мрасой» [Миллер 2003, с. 63–85].

Заметим, форма «Мраса» сообщает нам, что название реки ещё в XVII веке уже было отлично освоено русским языком, так как фонетика названия «Мраса» выглядит более приспособленной к русскому языку, чем форма «Мрассу». Ведь форма «Мраса» внешне вполне по-

¹ Копия карты С. Ремезова опубликована на форзаце кн.: [Кузнецкая старина 2003].

хожа на типы русских слов женского рода (*краса, полоса* и т. п.), и, будучи словом, внешне похожим на слово женского рода, тем самым удовлетворяет требованиям, предъявляемым в русском языке к названиям рек: чтобы избежать противоречий между собственно названием реки и гидронимическим термином (словом «река»), первый непременно должен быть словом женского рода (или словом, похожим на слова женского рода) – из-за того, что гидронимический термин в русском языке – слово «река» – является словом женского рода.

Однако так исторически сложилось, что форма «Мраса» не прижилась в русском языке. В XIX веке начинается, видимо, колебание данного названия в русском языке. Постепенно исчезает форма «Мраса», а взамен неё появляются: «Мрассу» и «Мрас». Оба варианта целиком и полностью взяты из шорского языка почти без особой адаптации (искажения). Первый представляет собой не только название реки по-шорски, но и вдобавок имеет шорскоязычный гидронимический термин «су\суғ» (река, вода), а второй вариант – чисто шорское название реки – без гидронимического термина.

Первый вариант (форма «Мрассу») наличествует в Дополнениях к тому III Землеведения Азии Карла Риттера, сделанных П. Семёновым и Г. Потаниным в 1877 году [Дополнения к тому III 1877, с. 491–495], второй вариант (форма «Мрас») встречается в материалах Всероссийской переписи 1897 года, где название реки обозначено в форме «Мрас» (река Мрас) [Патканов 1911, с. 277].

Мы теперь знаем, в русском языке окончательно утвердилась только одна форма «Мрассу», в написании которой, правда, первое время существовали варианты: сначала писали – «Мрас-Су», ныне – исключительно только «Мрассу». Итак, русский язык заимствовал, немного адаптировав, исконно шорское название реки – *Мрассу* (по-шорски оно звучало: *Мырас-суғ*). Следовательно, чтобы реконструировать первичную фонетику гидронима, нам следует обратиться к названию реки в шорском языке.

1.4.2.3. Название реки в шорском языке

В шорском же языке название реки *Мрассу* варьировалось фонетически, было в виде двух диалектных огласовок: и как «Мырас // Мырас-суғ», которую, как видим выше, заимствовал русский язык, и ещё как «Пырас // Пырас-суғ», которая неизвестна русскому языку.

При этом форма «Пырас-суғ // Мырас-суғ» в шорском языке как бы официальная, малоупотребительная, чаще в языке используется название в краткой форме, без гидронимического термина *суғ*, только лишь как *Пырас // Мырас*.

В данных огласовках между [п] // [м] и [р] наличествует краткий [ы], не всегда обозначаемый на бумаге, но всегда слышимый в речи. Поэтому, поскольку звук [ы] всё-таки есть, мы его здесь обозначаем. А русский язык данный звук опустил, из-за чего исходный шорскоязычный *Мырас суғ* превратился в русскоязычный *Мрассу*.

Двойственность звучания онима, как мы отметили выше, диалектного происхождения. В шорском языке существует два диалекта, между которыми существует, в частности, чередование в анлауте (начале слова) [п] // [м], из-за чего один диалект начинает название с [п] (*Пырас суғ*), а другой диалект с [м] (*Мырас суғ*).

Согласно исследованиям в области шорской диалектологии, анлаутный [п] более характерен для кондомского диалекта, а [м] в анлауте свойственен мрасскому диалекту, например, соответственно: пус // мус – лёд; пакқыш // макқыш – крыльцо; пөрү // мөрү – волк [Чиспияков, Бабушкин 2004, с. 120].

Если бы речь шла о слове общей лексики шорского языка (а гидронимы не являются общей лексикой), то форма «Пырас // Пырас-суғ» была бы характерна для кондомского диалекта, а форма «Мырас // Мырас-суғ» – для мрасского диалекта. Но носители кондомского диалекта, согласно названию диалекта, живут на реке Кондоме, поэтому то, как они произносят название реки Мрассу, для нас здесь не актуально. Для нас важно, как реку называют сами проживающие на берегах собственно Мрассу. На Мрассу, согласно названию диалекта, проживают носители мрасского диалекта. Следовательно, они должны были бы свою реку называть «Мырас // Мырас-суғ». Но откуда тогда появилась форма «Пырас // Пырас-суғ»?

Она появилась, очевидно, благодаря особенностям верхнемрасского говора мрасского диалекта, который, по мнению диалектологов Г. Бабушкина и Э. Чиспиякова, является «самым неоднородным говором шорского языка» и по ряду черт сближается с верхнекондомским говором кондомского диалекта, то есть несёт некоторые черты, присущие кондомскому диалекту, ведь не случайно диалектологи используют обобщенные термины: «южношорские говоры» и «север-

ношорские говоры» [Чиспияков, Бабушкин 2004, с. 130–135, 139–142].

Поэтому вполне возможно, что на средней и верхней Мрассу, где проживают носители «южношорских говоров», эту реку издревле называли «Пырас // Пырас-суғ», а ниже Мрасских порогов, там, где «северношорские говоры», – «Мырас // Мырас-суғ».

Не случайно диалектологическая граница проходит именно по порогам, ведь они до сих пор являются серьёзным препятствием для общения людей (люди общаются, перемещаясь главным образом по реке), до сих пор разделяют мрасских жителей на тех, кто ниже порогов, и тех, кто выше порогов.

Всё было бы так, как мы здесь написали, то есть ниже порогов реку называли бы «Мырас // Мырас-суғ», а выше порогов, соответственно, «Пырас // Пырас-суғ», если бы не нынешнее реальное положение дел, а именно то, что все (!) жители Мрассу (и ниже, и выше порогов) сегодня реку называют одинаково: «Пырас // Пырас-суғ».

Формы «Мырас // Мырас-суғ» в шорском языке ныне нет.

Скажем, в устье реки стоит село Усть-Мрасс, которое по нашему раскладу по-шорски должно было бы называться *Мырас-Пельтири*, а реально название села звучит – *Пырас-Пельтири*.

Куда же исчезла форма *Мырас*, ведь нет сомнения, что такая форма в шорском языке когда-то существовала, поскольку она (форма) в XVII – XIX вв. была заимствована русским языком?

Дело в том, что эта форма постепенно забылась шорским языком, так как её (форму) позаимствовал другой (русский) язык. Издревле ведь в шорском языке существовали две фонетические формы гидронима: *Мырас-суғ* и *Пырас-суғ*. Одну форму (*Мырас-суғ // Мрассу*), чуть-чуть адаптировав (исказив), вскоре «присвоил» русский язык, другая форма (*Пырас // Пырас-суғ*) с этого времени стала единственной и «неделимой» «собственностью» шорского языка! Поэтому постепенно все шорцы реку стали называть только «Пырас // Пырас-суғ», а форма *Мырас // Мырас-суғ* со временем забылась. Вот такое бывает «распределение» названий между языками.

В примере *Мырас-суғ // Пырас-суғ* мы видим одно название в двух его огласовках, а ведь на севере Шории часто встречаются действительно двойные названия селений, а иногда и рек. К примеру, улус (село) в устье Мрассу имел два древних названия: «Мыскы» и «Томзак // Томазак». Когда пришёл туда русский язык (а это случи-

лось только в XX веке), то он «присвоил» себе первое название (*Мыскы*), адаптировав (исказив) его в «Мыски» (в русском языке [ы] после [к] невозможно), даже более того – придумал «убедительную» мотивировку: «Мыски», мол, от «мысок» (маленький мыс).

Шорский язык, действуя по законам какой-то неизвестной логики, тут же «отрёкся» от своего названия «Мыскы» и провозгласил своей «единственной и неделимой собственностью» одно лишь название «Томзак // Томазак». Со времени этого «негласного соглашения языков» *Мыскы* (в огласовке «Мыски») как бы официально считается названием русским, а *Томазак* – шорским.

Примерно такое же «соглашение» возникло и относительно названий Мырас-суғ (в огласовке и написании «Мрассу») и *Пырас // Пырас-суғ*.

Но тем не менее дорусскими (а следовательно, исконно шорскими) следует считать две формы: «Мырас-суғ» и «Пырас-суғ». Без шорского (тюркского) гидронимического термина (суғ) это собственно одно название, только в двух огласовках: «Мырас» и «Пырас».

На шорском (тюркском) языке данные слова ничего не значат, разве что форма «Пырас» немного похожа на шорское слово «порас» – «сумерки, затемнение, темнота». Но это чистая случайность, ничем для нас не полезная.

Очевидно, что название «Мырас // Пырас» дошорское, то есть шорское, конечно, по употреблению, но нешорское по происхождению. Одно можно сказать пока точно: чередование [п] // [м] в анлауте – явление чисто шорское (тюркское). Если оно так на самом деле, то дошорский оним (название) никак не мог иметь двойную огласовку (она возникла позже и уже на почве шорского языка), он должен был звучать либо «Мырас», либо «Пырас». Какая из отмеченных огласовок более древняя, следовательно, дошорская?

1.4.2.4. Название реки в прашорском кетском языке

Наши изыскания позволяют ответить на этот вопрос. Более древней, следовательно, дошорской, точнее, прашорской является форма «Пырас». Форма «Мырас» возникла позже, уже на почве шорского (тюркского) языка, поэтому она для нас сейчас не актуальна.

Форма «Пырас», как мы уже отметили, прашорская, а в этноязыковом отношении – кетская. Будем так называть: форма онима – прашорская кетская.

Почему форма онима «прашорская» и «кетская»? Потому что кеты (енисейские кеты, э-кеты), проживавшие в VI – VIII вв. н. э. на территории нынешней Шории, являются родителями (основой для этногенеза) шорского этноса. Те самые прашорские кеты, очевидно, и дали название реке – «Пырас». А уже вновь образовавшийся (в VII – VIII вв. н. э.) шорский этнос, став по языку тюркским, все свои родные названия адаптировал (исказил) под тюркский свой язык, в нашем случае – прашорскую исконно кетскую форму «Пырас» удвоил формой «Мырас».

Что же в прашорском кетском языке означало название (слово) «Пырас»? Мы руководствуемся одним из основных законов ономастики, гласящим, что всякое название есть прежде всего слово какого-то конкретного языка¹.

Благо кетский язык выведен из небытия и относительно исследован в 60–70-е годы прошлого столетия профессором А. Дульзоном и его учениками. И ныне продолжаются исследования – сотрудниками лаборатории, созданной А. Дульзоном. Апогеем исследовательской деятельности в этом направлении стал учебник А. Дульзона «Кетский язык», вышедший в Томске в 1968 году. У А. Дульзона есть ещё ряд статей, посвящённых конкретно кетской топонимии, в частности, кетским гидронимам в Шории. Его работы нам весьма помогают в наших изысканиях.

А. Дульзон определил гидронимию Мрассу и Томи как преимущественно кетскую по происхождению (а гидронимию Кондомы – как самодийскую), дал значение некоторых кетских гидронимов [Дульзон 1964, с. 246–257; Дульзон 1962(б), с. 474–482; Дульзон 1962(а), с. 50–84]. Но и он не ответил на вопрос, что же означает

¹ Формулировки этого закона звучат во многих ономастических статьях А. Дульзона, в частности: [Дульзон 1964, с. 246]; также в статьях В. Никонова, Н. Баскакова, А. Суперанской, Д. Еремеева и др.

название (слово) «Пырас», и даже такая форма (как кетская) не появлялась в его статьях.

Итак, мы проследили всю цепочку нашей реконструкции первичной формы гидронима: (1) русская по использованию суперстратная форма «Мрассу», она возникла от одной из (2) шорских по использованию тоже суперстратных форм: «Мырас-суғ» и «Пырас-суғ». Шорские же по использованию формы возникли от (3) прашорской кетской субстратной формы «Пырас». Форму «Пырас» мы считаем первичной формой гидронима, субстратной основой.

Гидронимические термины в виде аффиксов в кетских языках

Всякий гидроним, как обобщает свои познания ономастика, по структуре состоит из двух элементов: 1) из собственно онима (названия) и 2) из гидронимического термина, который в некоторых языках превращается в аффикс (морфему) онима (в постфикс, то есть – после названия, как в шорском языке; и в префикс – перед названием), а в некоторых языках гидронимический термин существует как отдельное слово (например, в русском языке: *река Томь* или *Томь река*, *Москва-река*).

В кетском языке (языках), как выявил А. Дульзон, гидронимический термин существует как аффикс (постфикс). Он дал перечень кетских гидронимических аффиксов: *сес // чат // шет // тет // уль* с их многочисленными фонетическими вариантами [Дульзон 1962(б), с. 474–482]. Нас в данном случае должны интересовать гидронимические аффиксы енисейских кетов, или э-кетов. У них аффикс *-сес*, который потом шорским (тюркским) языком адаптируется (искажается) в *-зас // зес*.

А. Дульзон отметил, что в самих кетских языках (в наречии современных елогуйских кетов) аффикс «сес» часто стягивается, превращаясь в просто «сь» (в мягкий «с») или «ссь» (в мягкий и долгий «с») [Дульзон 1962(а), с. 68]. Следовательно, наряду с «сес // зас // зес» нужно отметить и аффиксы «асс // осс // ас // ос // з» (в том числе различные суперстратные искажения). Например, в бассейне Мрассу реки: *Кол-ос*, *То-з*, *Тай-ас*, *Уч-ас* и т. п.

И ещё, наряду с «сес // зас // зес» в бассейне Мрассу встречаются гидронимы с аффиксами «зак // зек»: *Кый-зак* (наряду с *Кый-зас*), *Май-зак* (наряду с *Май-зас* – в бассейне Томи), *Кол-зак* (наряду с *Кол-зас*, *Кол-ос*), *Тол-зак* (наряду с *Тол-зас*). Замена ауслаутного (конечного) «с» на «к» происходила, видимо, в прашорском кетском языке,

но доказать это у нас нет возможностей. Во всяком случае, в современном кетском языке конечный «с» не может чередоваться с «к», хотя этот вопрос специально не рассматривался. Но наличие чередований *Кый-зас // Кый-зак, Май-зас // Май-зак, Ке-зес // Ке-зек* убеждает нас, что «зас // зек» безусловно чередовалось с «зак // зек».

Если, руководствуясь вышеприведённым перечнем кетских по происхождению аффиксов, взглянуть на гидронимию реки Мрассу, то можно сделать предварительный вывод, что гидронимия бассейна Мрассу почти полностью кетская по происхождению.

Гидронимический аффикс «рас»

И теперь самое главное: наряду с аффиксами «сес // зас // зес // зак // зек // ас// ос // з» существовал прашорский кетский гидронимический аффикс «рас» (в прашорском кетском языке он, видимо, звучал «рес»): чередование «с» с «р» в анлауте – вещь возможная для современного кетского языка и, видимо, для прашорского кетского тоже [Дульзон 1968, с. 52].

Гидронимов с аффиксом «рас» очень мало, но они всё-таки есть: в бассейне Мрассу – *Ха-рас*, на Томи – *Из-рас, Ольже-рас, Киб-рас* и, конечно, *Пы-рас*. Заметим, что гидроним *Пы-рас* образует пару с гидронимом *Пы-зас*. У них один и тот же корень гидронима (или собственно гидроним) – «Пы».

И далее, этот корень можно соотнести с корнями гидронимов: *Ба-зас // Май-зас // Ма-зас // Ай-зас*. Корни всех этих гидронимов, по А. П. Дульзону, восходят к прашорскому кетскому «пы // ай // пай // пей // па» со значением «кедр» [Дульзон 1963, с. 41], то есть эти реки носят название «кедровая река», точнее, «река, протекающая по кедровнику».

О значении кедровников в жизни шорцев и их предков следует сказать особо. У каждой семьи-тёля и рода-сеока были свои кедровники-пакла, где народ организованно каждую осень готовил кедровый орех. Использовал потом орех либо себе в пищу (в шорской национальной кухне есть несколько блюд с использованием кедрового ореха: пельмени, пироги и др.), либо продавал, либо платил в виде налога-албана. В кедровниках шорцы до XVIII века постоянно не жили, лишь некоторые события того века (переселение в Шорию братьев-телеутов и др.) заставили нарушить этот закон. В результате чего, надо заметить, был заселен район кедровников Пызаса и самые вер-

ховья собственно Мрассу (Колзас и др.). А так всегда закон незаселения кедровников неукоснительно соблюдался.

Можно с уверенностью сказать, что и у предков шорцев – э-кетов (у прашорских кетов) – кедровники имели точно такое же огромное значение. Ведь не случайно же прашорские кеты использовали специальное название для реки, которая протекает по территории кедровника, то есть кедровники ономастически (специально) обозначались.

Первичное значение названия «Пырас»

Мы можем уверенно сказать, что первичное значение онима «Пырас» в прашорском кетском языке было – «река, протекающая по территории кедровника» или «кедровая река».

Реки, протекающие по кедровникам, как правило, не очень длинные реки. Поэтому поставить Мрассу в ряд с реками, скажем, с Базасом, Майзасом, Майзаком, Пызасом и др. нельзя – величины рек несопоставимы. И вся река Мрассу полностью не могла быть «протекающей по кедровнику». Поэтому сомнительно, что вся река Мрассу в прашорские кетские времена носила название *Пырас*. Видимо, так называлась лишь какая-то часть реки. Какая же?

Если взглянуть на карту бассейна реки Мрассу, то сразу бросается в глаза параллелизм названий *Пызас* (Пы-зас // *Пы-сес) и *Пырас* (Пы-рас // *Пы-рес). Эти два гидронима обозначают одно и то же: «реки, протекающие по территориям кедровников», но гидронимические их аффиксы звучат по-разному, в огласовке разных кетских диалектов или говоров. Очевидно, данный параллелизм неслучаен, но о чём он говорит?

Как нам кажется, это говорит о том, что один гидроним, но в разных диалектных огласовках: «Пы-зас» // «Пы-рас», плюс к тому «Ак Пы-рас» (нынешнее *Акмрас*, колебания «п» // «м» возникли уже на почве шорского (тюркского) языка) // «Суғ Пы-рас» (нынешнее *Сумрас*) первоначально обозначал просто разные истоки реки Мрассу. Общая картина была, видимо, такая: Акмрас и Сумрас, сливаясь, давали Пы-рас (нынешние самые верховья Мрассу). А собственно Мрассу начиналась лишь в месте слияния реки Пырас (нынешние самые верховья Мрассу) и реки Пызас (нынешний левый приток Мрассу). Это место ныне находится в районе посёлка Усть-Кабырза Таштагольского района.

И действительно, если посмотреть на Мрассу с горы, что над Усть-Кабырзой, до впадения в неё Пызаса Мрассу – малая река, после впадения – уже действительно крупная река, учитывая, что почти тут же в Мрассу (в ту часть реки, которая предположительно называлась Пырас) впадает ещё один крупный приток – река Кабырза.

Совершенно непонятно только, почему и после слияния Пызас'а и Пырас'а река продолжала называться «Пырас». Ведь река выше пос. Усть-Кабырза и весь Пызас – это почти сплошные кедровники, там прежде никто не жил, и названия рек кедровниками оправдывались. Ниже Усть-Кабырзы кедровников уже не было, и название реки с необходимостью должно было измениться.

Очевидно и другое – то, что после взаимного слияния Пызаса и Пыраса река становилась действительно крупной рекой и должна была тоже приобрести другое название. Река действительно получала другое название. Но какое?

История сохранила нам это другое название *Мрассу*. Вне всякого сомнения, река после слияния двух рек (точнее трех рек, прибавляется река Кабырза): Пызаса и Пыраса называлась *Том(а)зак* (видимо, в кетской среде существовала и параллельная форма *Томзас*).

Откуда мы взяли данный оним? Так назывался улус (группа поселений-аалов), который находился в устье Мрассу: *Том(а)зак* (ныне это – город Мыски, который по-шорски продолжает называться Томзак). Существовал своего рода закон, согласно которому улус или аймак (два этих термина обозначают одно и то же: группа поселений-аалов) назывался именем той реки, на берегах (чаще – в устье) которой он находился. Поэтому улус, стоявший возле устья Мрассу, должен был называться его именем. В самом устье Мрассу есть небольшое село, называемое *Усть-Мрасс* (по-шорски – *Прас-Пелтири*), но Усть-Мрасс – не улус, а аал (отдельное небольшое поселение). Улус, стоявший в устье Мрассу, сохранил древнейшее название этой реки, ныне забытое: *Том(а)зак*.

Что же означает оним *Том(а)зак*? Этот оним вольно можно перевести с прашорского кетского языка как – «Малая Томь». Дело в том, что термином «зак//зас» кеты обозначали некрупные реки, следовательно, прибавив к корню «Том» гидронимический аффикс «зак», мы получаем значение, что это не крупная Томь, а малая Томь, приток Томи.

То есть в прашорском кетском языке нынешняя Томь звучала как «Том», а Мрассу – «Томзак//Томзас». И видимо, считалось, что настоящая (великая) Томь начинается лишь после места впадения Мрассу в Томь, что, если взглянуть на Томь до впадения и после впадения в неё Мрассу, недалеко от истины.

Итак, можно реконструировать прашорский кетский взгляд на гидронимию: Мрассу – это малая Томь, которая получается от слияния Пызаса и Пыраса, а великая Томь начинается от слияния малой Томи (которую мы теперь называем Мрассу) и большой Томи (собственно Томи).

Но тем не менее остается вопрос: почему название *Мрассу* (в русском) // *Пырас(суз)* (в шорском) вытеснили *Том(а)зак//Томзас*?

Почему Мрассу (в русском) // Пырас(суз) (в шорском), а не Том(а)зак// Томзас?

Здесь можно только предполагать.

Версия у нас одна. Версия гласит, что если у реки или селения существует несколько названий, то рано или поздно одно из названий побеждает и вытесняет другие. При этом названия иногда распределяются между языками так, что одно из названий закрепляется за одним языком, а другое – за другим. У реки Мрассу в пространстве шорского языка было три названия: *Пырас-суз* // *Мырас-суз*; *Том(а)зак* // *Томзас* и ещё *Мыскы* (*Мыыскы*) // *Мыска* (*Мыыска*) [Косточаков 1999, с. 149–152]. И каждое из трех названий, как видим выше, имело по две огласовки.

К началу XVII века осталось лишь одно название, но всё ещё в двух огласовках: *Пырас-суз* // *Мырас-суз*. И эти огласовки были разобраны языками: огласовку *Мрассу* взял русский язык (услышав ее в низовьях реки), а огласовка *Пырас-суз* осталась за шорским языком (распространившись на всё пространство реки и языка).

Два других названия Мрассу не пропали в истории, но закрепились за улусом в устье реки Мрассу. К началу XVII века улус назывался двояко: и как *Мыски* (русская адаптация шорского *Мыскы*), и как *Томазак*. Вскоре эти два названия важнейшего шорского улуса были тоже распределены между языками: русский язык забрал себе оним *Мыски*, а шорский язык оставил себе *Томазак*.

Итак, суть версии: оним *Пырас-суз* // *Мырас-суз* вытеснил оним *Томазак* и стал единственным названием реки. Оним *Мыскы* конку-

рентом не был, так как он использовался только в низовьях реки и только отдельной группой шорцев.

Заключение по анализу

Гидроним *Мрассу*, прежде чем приобрел современный вид и значение, претерпел множество изменений. Первоначально оним возник в среде прашорского кетского языка в форме *Пы-рас* и обозначал один из истоков (как предполагали кеты) реки Мрассу. Считалось, что истоков Мрассу было два: вышеупомянутый *Пы-рас* и *Пы-зас*. Обе эти веки протекали по территории кедровников и поэтому имели соответствующие названия, переводимые на русский язык как «река, протекающая по кедровнику», или «кедровая река». Друг от друга онимы *Пы-рас* и *Пы-зас* (правильней по-кетски они звучали как *Пый-рес* и *Пый-сес*) отличались только диалектным звучанием (кетским диалектным звучанием). В месте слияния *Пы-раса* и *Пы-заса* (в районе нынешнего пос. Усть-Кобырза) начиналась собственно река Мрассу, которая тогда по-кетски называлась *Томзак* // *Томзас* и имело значение «Малая Томь» или «один из истоков Томи», то есть кеты считали, что Мрассу является одним из истоков Томи, и в районе Мысков, где сливаются Мрассу (Малая Томь) и собственно Томь, там начинается великая Томь. Название *Томзак* со значением «Малая Томь» по неизвестным причинам было вытеснено названием *Пырас-суз* // *Мырас-суз*, но сохранилось в одном из названий улуса, стоящего в устье реки Мрассу (в шорском названии современного г. Мыски).

Оним *Пырас-суз* // *Мырас-суз*, видимо, еще до 1618 года вытеснил оним *Томзак*, потому что оним *Томзак* в качестве названия реки Мрассу в русских документах не встречается, но зато встречается термин *Мрас-су*, сразу же адаптированный русским языком в *Мраса* (склонялось: *за Мрасой*, *к Мрасе*, *в Мрасу*). Однако вскоре русский язык отказался от формы *Мраса*, взяв себе несклоняемую, застывшую форму *Мрассу*. А шорский язык, увидев заимствование русским языком формы *Мрасса* (*Мраса*), отказался от данной огласовки, окончательно закрепив за собой другую форму – *Пырас-суз*, совершилось благо, двойственность онима исчезла (язык всегда борется с двойственностью форм, с наличием разных огласовок одного и того же слова, названия).

В результате того, что форма *Пырас-суз* // *Мырас-суз* со временем стала единственным названием реки, этимологическое значение названия («река, протекающая по кедровнику» // «кедровая река»)

вступило в противоречие с реальным значением реки, которую данный оним теперь стал обозначать: вся река Мрассу никак не может быть «кедровой рекой», так как таких протяженных кедровников (более 300 км) не может быть в природе. А прежнее значение, которое предки шорцев кеты придавали реке Мрассу (*Томзак* – «Малая Томь»), забылось вместе с самим названием *Томзак*.

Но в пространстве шорского языка реальное значение реки (то есть значение, что река больше, чем «река, протекающая по кедровнику») всё-таки обозначено тем, что к старому названию *Пырас* // *Мырас* добавлен гидронимический термин «суғ».

Дело в том, что в шорском языке сложилась ономастическая традиция иерархии гидронимических терминов. Если река крупная, то к названию добавляется термин «суғ» (река; вода), если река небольшая, то добавляется термины «кол/гол» (речка, ручей), «чу // ча» (речка), либо вообще не прибавляется никаких специальных терминов (просто Пызас, а не Пызас-суғ, не Пызас-кол и т. п.).

Добавление к ониму *Пырас* // *Мырас* термина «суғ» означало, что сия река – крупная река, великая река. То есть значение «кедровая река» расширилось до «великая река».

Мы своим ономастическим анализом реконструируем тот забытый факт, что Мрассу после слияния Пызаса и Пыраса называлась *Томзак*, то есть Малая Томь, и то, что Мрассу, согласно представлениям наших предков, – один из истоков великой Томи. Древние полагали, что Томь начинается из двух больших истоков: один из истоков – это исток нынешней Томи на горе Карлыган в Кузнецком Алатау, а второй исток – Мрассу, начинающаяся на Абаканском хребте и Бийской гриве. Так считали в древности предки шорского народа – кеты. В месте слияния этих двух истоков – в районе нынешних Мысков – начинается собственно Томь, наша великая Томь.

1.4.3. Топонимия района Новокузнецкой агломерации:

Новокузнецк, Мыски

Новокузнецкая агломерация – термин недавний, под ним подразумевается почти непрерывная цепочка (скопление) городов с городом Новокузнецком в центре. Если отправиться ехать из города Междуреченска на запад, то не успевает он закончиться, как начинается другой город – Мыски, а за ним торопливо появляется Новокузнецк. От Новокузнецка почти неотделимы Осинники, Калтан на юге и

Прокопьевск, Киселевск на севере. Получается семь городов, общее население которых более одного миллиона человек. Это не один город, но вместе с тем на малой площади скопилось очень много городских поселений и предприятий.

Новокузнецкая агломерация как таковая появилась только в XX веке, хотя люди на этой территории жили издавна. Все города агломерации стали таковыми (по статусу) в прошлом веке, за исключением Новокузнецка, который получил статус города в 1622 году. Междуреченск стал городом в 1955 году, Мыски в 1956, Калтан в 1959, Осинники в 1938, Прокопьевск в 1931, Киселевск в 1936 году.

Получается, что агломерация начала свое образование где-то в середине XX века, и это событие прямо связано с промышленным освоением кузнецкого угля, горношорской и салаирской железной руды, толчок к разработке которых дал Транссиб. Всем известно, что XX век – это был век промышленной революции, когда появились радио, телефон, авиация, атомное оружие, телевидение, компьютер, сотовая связь, когда строились гигантские гидроэлектростанции, комбинаты типа наших КМК и Запсиба. Следовательно, агломерация, то есть цепочка городов с Новокузнецком во главе, появилась благодаря промышленной революции прошлого века.

Названия городов, образующих Новокузнецкую агломерацию, таят в себе наше общее прошлое время. С точки зрения ономастики не все названия вышеперечисленных городов представляют собой сложную задачу. Многие онимы довольно прозрачны, например, Междуреченск. Для всякого знающего русский язык раскрыть связь между этим онимом и объектом не трудно: это город, находящийся между рек, если взглянуть на карту, – между Томью и Усой. В связи с этим также понятно, почему ГРЭС в городе Мыски называется – Томусинская, так как эта районная электростанция была рассчитана на уголь из Междуреченска. Понятно также, почему поселок при этой ГРЭС тоже называется Томусинским, такое же название есть и у поселка в черте самого города Междуреченск. Итак, Междуреченск относится к числу ономастически прозрачных названий. Но прозрачность не означает, что у сего города нет ономастической истории, то есть истории о том, как появилось и складывалось название этого города. Если уж мы ведем речь о Междуреченске, то можно было бы вспомнить, что поселок-родитель города носил не столь прозрачное

название – Ольжерас. Да и непрозрачны названия рек Томь и Уса, между которыми расположен город.

Но так обстоит дело не со всеми онимами интересующего нас района. Есть еще как бы полупрозрачные онимы, то есть они нам кажутся прозрачными, а на самом деле это не совсем так. К числу полупрозрачных онимов (относительно прозрачных) можно отнести Прокопьевск (связано с русско-христианским именем Прокопий) и Киселевск (связано с русским нехристианским домашним именем-прозвищем Кисель). Это чаще всего отантропонимные (образованные от имени человека) названия сел, впоследствии давших названия городам.

Сюда же могут быть отнесены названия Осинники (как будто бы связано с русским словом Осинник, от слова «осина») и Новокузнецк (Новый Кузнецк) (от русского слова «кузнец»). Некоторые сюда же относят и название Мыски (как будто бы от слова «мысок»).

Наряду с полупрозрачными есть и явно непрозрачные онимы, таковое лишь одно, это название Калтан, по-русски совершенно непонятное слово.

Рассмотрим подробнее астионимы Новокузнецк и Мыски.

Новокузнецк

Самый старый город области, создан в 1618 г., статус города получил в 1622 г. Первоначальное название – Кузнецк.

Для ономастики важно, что Кузнецк был самым первым русским селением на территории нашей области и одним из первых русских поселений в Сибири. А следовательно, был опорным пунктом России и русского народа в Сибири и нашем регионе (военным острогом-крепостью, потом – городом).

Острог (крепость) и город начала создавать небольшая группа российских переселенцев, пришедших сюда из вновь тогда построенного г. Томска (построен в 1604 г.). Их количество и имена неизвестны, но зато мы знаем имена их руководителей. Это были: татарский голова Осип Кокорев, казачий голова Молчан Лавров и сын боярский Остафей Харламов [Хроника событий, электронный ресурс]. И известны первые кузнецкие воеводы: Тимофей Степанов сын Боборыкин (по-современному: Тимофей Степанович Боборыкин) и Осип Герасимов сын Аничков (Осип Герасимович Аничков) [Воеводы Кузнецкие 1996, с. 100].

В 1665 г. в г. Кузнецке числилось 238, а в 1705 г. 368 служилых и оброчных людей. Через 260 лет – в 1896 г. в Кузнецке насчитывалось 3,5 тысячи человек (а в Кузнецком округе – 29 тыс. человек) [История Земли Кузнецкой, электронный ресурс]. Но великий свой рост город приобрел в XX веке – в связи с развитием металлургической и угольной промышленности: гиганты КМК, Запсиб, алюминиевый, ферросплавов, шахты.

Приступая к ономастическому анализу, мы реконструируем ономастическую структуру города, в частности, ответим на вопрос: что первично – название города (*Кузнецк*) или название края, земли (*Кузнецкий край*, *Земля Кузнецкая*).

Из исторических источников ясно, что первичным было название края. Впервые о крае казаки слышали не ранее 1604 года, года строительства Томска, а город в Кузнецком крае был построен в 1618 (по другим источникам – в 1617) году. Между этими датами 13–14 лет.

Наш край назывался то «кузнецами» («Посылали нас, холопий своих, а твою царскую службу в кузнецы»), то «кузнецкой землей» («велено нам, холопам твоим, на усть Кондобы в кузнецкой земле острог поставить»), имея в виду, что это земля, где проживают «кузнецы».

Стало быть, сначала появился оним «Кузнецкая земля» с вариантом «кузнецы» и лишь потом – «Кузнецк». О чем все это говорит? О том, что онимы «Кузнецкая земля» и «Кузнецк» восходят к ониму «кузнецы». Именно к ониму «кузнецы», а не к слову «кузнецы».

«Кузнецы» – это не слово, обозначающее людей по профессии, а название народа (этноним). Это был XVII век, названия городов в Сибири были двух типов: либо по рекам, на которых города стояли: Тобольск (река Тобол), Тюмень (река Тюмень), Омск (река Омь), Томск (река Томь), Иркутск (река Иркут) и т. п., либо по народам, в тех местах проживавших: Якутск (якуты), Братск (братья=буряты), Ачинск (ачины), Мангазея (мангазеи) и т. п. Городов, названных по профессии не было. Следовательно, Кузнецк – название от этнонима.

Откуда мог появиться такой этноним – кузнецы? Во-первых, почему на русском языке? Во-вторых, почему у народа название по его профессии? Появилось расхожее объяснение этого: потому что местные жители, а это абинцы, или шорцы, испокон веков занимались, якобы, кузнечным делом. Да, действительно, шорцы издавна (с VI – VIII вв.) занимались кузнечным делом. Но это не дает ономастиче-

ского права называть их «кузнецами». У них ведь свое имя было – *абинцы (абалар)*. И тем не менее казаки называли их «кузнецами», а потом, поскольку это слово неудобное для названия народа, стали называть «кузнецкими татарами», используя их общее самоназвание «тадар».

Все дело в том, что у абинцев на их языке в то время существовал второй этноним – «уста»= «кузнец, кузнецы». У абинцев-абаларов существовал этноним по их искусству литья железа и изготовления изделий из железа – «уста». Вторым этноним «уста» появился в их языке из-за того процесса, который в ономастике называется «ложной этимологией», когда происходит сближение нескольких слов, разных по значению, а близких или одинаковых по звучанию.

У абаларов произошло сближение их этнонима *Аба* и названия духа-покровителя кузнечного дела *Абы* (в переводе: Кузнец, Творящий Чудеса). Дух-покровитель носил также второе имя – *Уста* (Мастер, Кузнец). Сближение разных по значению онимов *Аба=Абы=Уста* вылилось в то, что абаларов в Сибири стали называть не только их именем *Аба*, но и именем их духа-покровителя *Уста*, по-русски это: *абинцы=кузнецы*. В Томске после 1604 года был примерно такой рассказ про коренных жителей нынешнего Кузнецкого края: «это абалары, или по-нашему уста, в переводе на ваш язык – кузнецы».

Таким образом, слово «кузнецы» было не обозначением коренных жителей нашего края по профессии, а этнонимом (переведенным экзоэтнонимом). От этого переведенного экзоэтнонима шорцев (а *абинцы* – это современные *шорцы*, этот экзоэтноним был введен позже, в XIX в.) и пошло название края (*Кузнецкого края* и *Кузбасса*) и нашего города (*Кузнецк*).

Это потом Кузнецкая земля стала пониматься как земля территории Кузнецкого уезда. Кузнецкий уезд (несколько лет в XIX веке – округ) – это Кемеровская область до 1943 г., вернее, до 1939 года, года упразднения Кузнецкого уезда. Центр уезда был всегда в Кузнецке, но с 1922 года по 1939 гг. большевиками был перенесен в город Щегловск, вскоре переименованный в Кемерово. Не случайно в 1943 году Кузнецкий уезд был восстановлен, но теперь в виде Кемеровской области.

Мыски

Старинное шорское село-улус. С 1925–1926 по 1931 гг. центр Горно-Шорского национального района с правами округа. С 1939 по 1949 гг. центр Мысковского района. С 1956 года – город.

По-шорской терминологии Мыски были «улусом», то есть целым населенным районом, состоявшим из нескольких небольших поселений-аалов (аал), находившихся недалеко друг от друга. И сегодня еще можно различить те несколько аалов, из которых состоял прежний улус Мыски: собственно Мыскы (Мыски) \\\ Томазак, Кызыл чар (Красный яр), Кыйзак, Нижний Рюм, Карчыт, Тетенза, Акколь, Паратаг (Бородино), Прас пелтири (Усть-Мрас), Балбынь, Казас, Кёльдегаал (Курья), Чобашкы-Устюнгу-аал (Чувашка), Сыбыргы (Сибирга), Кольчезас. Это была своего рода старинная шорская «агломерация» селений, облепивших устье реки Мрассу и часть долины Томи.

У этой старинной «агломерации» было, судя по всему, несколько наименований: наименование части-аала (аал) и общее наименование улуса. Если нужно назвать свое место, то сначала говорили: в улусе Мыски, потом уточняли: в аале Казасе, например.

Мы сейчас остановимся лишь на общем наименовании улуса. Таких наименований в шорском языке было два: *Мыскы* (другой фонетический вариант – *Мыска*) и *Томазак*. Оба они активно существовали в шорском языке.

Надо отметить, что двойное наименование улуса – не случайность, на севере Шории активно практиковались двойные названия селений, например, *Сыркаш \\\ Орбун*, *Чульжан \\\ Ореги-аал*, *Чобашкы (Чувашка) \\\ Устюнгу-аал*, *Абашева \\\ Тоберги Тоз*, *Курья \\\ Кольдеги-аал* и др. И в этом ряду двойное название *Мыскы \\\ Томазак* кажется обычным.

Согласно шорской традиции имянаречения, имя улусу (в южных говорах – аймаку) давалось по реке, на берегах которой этот улус стоит. Если учесть, что большинство улусов (аймаков) создавались в месте впадения малой реки в большую, то название улуса (аймака), стало быть, было идентично или связано с названием малой реки. Например, Усть-Анзас (место впадения Анзаса в Мрассу), Усть-Кобырза (место впадения Кобырзы в Мрассу), Чилису-Анзас (место впадения речек Чилису и Анзас в реку Пызас) и т. п.

В нашем случае: улус Мыскы \\\ Томазак был создан в месте впадения реки Мрассу в Томь. Значит, согласно теории, его имя должно

быть – Мрас, или что-то подобное. Однако, ничего этого не получается. Но это на первый взгляд.

Со временем, проведя тщательное исследование онима *Мрассу* [Косточаков 1999, с. 149–152], мы пришли к выводу, что у реки Мрассу еще на базе кетского (прашорского нетюркского) языка существовало несколько фонетических вариантов: *Пы-рас* \ *Пы-зас* \ *Пы-с*. Когда этот оним попал в зону шорского тюркского языка, то в анлауте произошло чередование п \ м, в результате чего появились следующие фонетические варианты онима: *Пы-рас* \ *Мы-рас*, *Пы-зас* \ *Мы-зас*, *Пы-с* \ *Мы-с*. Сегодня эти варианты онима мы знаем, как: общее наименование реки – *Пы-рас* \ *Мы-рас*, а также наименование важнейшего притока реки – *Пызас*. А вариант *Мы-с* стал основой онима – *Мыс-кы*, где «кы» – гидронимический аффикс, «река» по-угорски. В низовьях реки Мрассу есть несколько тоже угорских по гидронимическому форманту онимов: *Чобаши-кы* (*Чувашка*), *Сыбыргы* (*Сибирга*), *Ташал-гы* (*Ташелга*), *Саслон-кы* (*Заслонка*) и т. п. По всей видимости, в низовьях реки (ниже порогов Убу-Хомутовских) имел место угорский субстрат шорского народа, но он пришел не на пустые земли, а наложился на кетский, о чем, в частности, говорит оним *Мыс-кы*, то есть кетско-угорский гидроним. Следовательно, оним *Мыски* как название улуса происходит от кетско-угорского названия реки *Мрассу*. И воспринят современным шорским языком, а после 30-х годов прошлого века освоен русским языком¹. В шорском языке данный оним имеет две огласовки: *Мыскы* \ *Мыска*. А огласовка *Мыски* – это уже освоение онима русским языком.

Так получилось, что после 1926 года, года создания Горно-Шорского национального района с правами округа, а улус Мыски был центром района-округа, русский язык как бы присвоил себе оним *Мыски*, оставив шорскому языку другой оним – *Томазак*. Безмолвно согласился с этим шорский язык, постепенно забывая оним *Мыскы* \ *Мыска* и актуализируя другой оним – *Томазак*. С этого времени (с 30–40-х годов прошлого века) произошел своеобразный договор между русским и шорским языками, что *Мыски* – это как бы по-русски, а *Томазак* – как бы по-шорски.

¹ По данным 1929 года в улусе Мыски русские не указаны: [Список 1929, с. 9].

Заключение

Каждая мировая религия по-своему создавала свою антропонию. Христианский общий именник, например, сложился из дохристианских имен мучеников-святых, поэтому христианские имена самого разного языкового происхождения: латинского (Виктор), греческого (Никита), еврейского (Иван) и др. Мусульманский именник создавался искусственно (искусно, мастерски) из слов арабского языка, ключевые слова – «у\алла(х)» (Бог единый) и «дин» (религия, вера): Абдулла, Файзулла, Алладин. Иудейский именник тоже в какой-то мере искусственный (созданный мастерами слова), и там много имен с корнем «иль» (Бог единый): Михаилъ, Гаврииль, Изекииль, Абиль.

Но до появления мировых религий существовали религии национальные, присущие большим или малым этносам. У тюркских народов когда-то существовала своя национально-этическая религия – тенгрианство, которой придерживались и монголы. У тенгрианства тоже существовала своя антропонимия. Некоторые из тенгрианских древних имен позже стали частью именников мировых религий и известны не только тюркам и монголам. Вот некоторые из таких имён: Темир (Тимур, Темур); Арслан (Аслан, Руслан); Парс (Барс, Барыс, Барис); Амзор (Амзар); Қадыш (Қатташ).

Современная шорская система личных имён (антропонимическая система) по своей структуре трёхчленна, состоит из собственно имени (индивидуального имени носителя), отчества (индивидуального имени отца) и фамилии (наследственного общего имени родственников по мужской линии). Наличие у шорцев такой антропонимической системы – результат принятия народом антропонимической системы русского языка и культуры.

Крещение шорцев во второй половине XIX века миссионерами Алтайской духовной миссии повлекло за собой постепенное исчезновение своего веками существовавшего традиционного именника (частично шаманистский именник сохранился вплоть до 20–30-х гг. XX века). Архивные материалы свидетельствуют, что до присоединения шорских земель к Российской империи, т. е. до 1618 года, у шорского народа, видимо, существовала своя традиционная антропонимическая система, которая, как и нынешняя русская, тоже была трёхчленна, но входившие в эту систему элементы имели несколько иное содержание, чем в русской системе.

Шорский именник создан в русле своей языческой (шаманистской) традиции. Имя, согласно шорской традиции, – знак-символ человека и его судьбы. По-шорски судьба – *үлүш* = «доля, то, что тебе предназначено, предначертано Богом-Кудаем». Иначе говоря, по-шорски судьба – это предназначение человека в этой жизни. Бог-Кудай вместе с душой даёт ребёнку и его судьбу-предназначение, которую нужно увидеть, понять и зафиксировать в имени ребёнка. Традиционные шорские имена давались в промежутке от рождения до семи лет от роду. Все шорские традиционные имена разделяются на несколько групп-разрядов: 1) имена-благопожелания; 2) имена-характеристики; 3) имена-фиксации; 4) имена-описания; 5) защитительные имена.

Традиционно каждый шорец в те времена носил в качестве личного сложного имени: 1) своё индивидуальное *ат-имя* и (не обязательно) *шолла-прозвище*; 2) имя своего *тёля-семьи* (большой патриархальной семьи-фамилии, откуда происходил) – *төл ады* (имя тёля); 3) имя своего *сеока-рода*, в состав которого входил его тёль-семья, – *сөөк ады* (имя сеока-рода).

Для нас шорские этнонимы важны как своеобразные исторические документы, в которых нашли своё отражение те или иные события глубокой древности, не зафиксированные письменным текстом или не дошедшие до нас. Тюркский этногенетический процесс в VI – IX вв. н.э., начавшись в монгольской степи, распространился на всю Центральную Азию, захватил и территорию Шории. Он и вывел Шорию из состояния самозамкнутости и обособленности, разрозненные кетские, угорские и самодийские роды и племена превратил в единый тюркский этнос, в современный шорский этнос (сейчас шорскому народу более тысячи лет от роду).

Самоназвания народа, которые существуют в шорском языке, можно подразделить на три группы: географические, родовые и общие. Общие автоэтнонимы, которые употребляются вне шорского этноса, когда представители шорского этноса называют себя перед другими этносами. Именно когда Шория стала частью тюркского суперэтноса, что произошло в VII – IX вв., появилось, очевидно, два автоэтнонима: *Аба кижиги* // *Абалар* и *Тадар кижиги* // *Тадарлар* (*Тадэр*).

Экзоэтнонимов у шорского народа было три: 1) с начала XVII в. до середины того же века – «кузнецы \ кузнецкие (ясашные) люди» (корень этнонима – «кузнец»; таким образом, астионим *Кузнецк* и бо-

лее поздние хоронимы *Кузнецкий край*, *Кузбасс* пошли от переведенного экзоэтнонима шорцев); 2) с середины XVII в. до 1925 г. – «кузнецкие татары» или просто и кратко – «татары» (корней два – «кузнецы» и «татар»); 3) С 1925 г. по сей день – «шорцы» (корень онима – «шор»). Экзоэтнонимы по отношению к шорцам есть не только от русских, но и от других народов: 1) от телеутов, кумандинцев, тубаларов – «чор кизи» (корень онима – «чор»); 2) от алтайцев – «аба кизи» (корень онима – «аба»); 3) от хакасов – «чыстан кизи \\\ чыстанак \\\ чыс кизи» (корень онима – «чыс»).

Благодаря топонимическим исследованиям обнаруживается кетский компонент в шорском языке. Исследования в области ономастики (топонимики и этнонимики) позволяют нас прийти к выводу, что весь бассейн Мрассу и верховье Томи – это территория, на которой до образования шорского народа проживали «родители» шорского народа – енисейские кеты. Ономастический анализ показывает, что Мрассу после слияния Пызаса и Пыраса называлась *Томзак*, то есть Малая Томь, и то, что Мрассу, согласно представлениям наших предков, – один из истоков великой Томи. Древние полагали, что Томь начинается из двух больших истоков: один из истоков – это исток нынешней Томи на горе Карлыган в Кузнецком Алатау, а второй исток – Мрассу, начинающаяся на Абаканском хребте и Бийской гриве. Так считали в древности предки шорского народа – кеты. В месте слияния этих двух истоков – в районе нынешних Мысков – начинается собственно Томь, наша великая Томь.

